

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Выпуск 15

PEHOME

Санкт-Петербург
2021

Редколлегия:

И. И. Елисеева, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф.,
засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ РАН);

О. Н. Бурмыкина, канд. соц. наук (СИ РАН);

А. С. Быстрова, канд. экон. наук (СИ РАН);

К. С. Дивисенко, канд. соц. наук (отв. секретарь, СИ РАН);

Г. В. Еремичева, канд. филос. наук (СИ РАН);

Д. Б. Тев, канд. соц. наук (СИ РАН);

И. Шубрт (Jiří Šubr), д-р соц. наук, доцент (Карлов университет, Прага, Чехия);

Симо Маннила (Simo Mannila), PhD (Национальный институт здоровья
и благосостояния, Хельсинки, Финляндия)

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

*Научное периодическое издание «Петербургская социология сегодня»
выходит с 2009 года.*

Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

*Периодическое печатное издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-55387 от 17 сентября 2013 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Индивид, семья, общество

<i>Панова Л. В., Курьянов Л. А.</i> Финансовая защита домохозяйств при использовании медицинских услуг в России	5
<i>Бурмыкина О. Н.</i> Межпоколенные отношения в неполных и полных семьях	20
<i>Щёлкин А. Г.</i> Молодость в эго-документах: «Энциклопедия юности»	36

История и теория

<i>Сергеева О. В.</i> Становление социальных исследований инфраструктур (С. Л. Стар, Дж. Боукер, Б. Ларкин)	54

Очерки, эссе, зарисовки

<i>Крячков Н. Л.</i> Идеальный край: тайный стиль явного искусства	71

CONTENTS

Individual, Family, Society

<i>Panova L. V., Kupriyanov L. A.</i> Financial protection in health in Russia	5
<i>Burmykina O. N.</i> Intergenerational relationship in incomplete and complete families	20
<i>Shchelkin A. G.</i> About “The Encyclopedia on the Youth”	36

History and Theory

<i>Sergeyeva O. V.</i> Development of infrastructure studies (S. L. Star, G. Bowker, B. Larkin)	54

Essays and Sketches

<i>Kryachkov N. L.</i> The ideal edge: the secretive style of an evident art	71

ИНДИВИД, СЕМЬЯ, ОБЩЕСТВО

DOI: 10.25990/socinstras.pss-15.yjeh-nn48

Л. В. ПАНОВА, Л. А. КУПРИАНОВ

ФИНАНСОВАЯ ЗАЩИТА ДОМОХОЗЯЙСТВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В РОССИИ

Работа посвящена анализу финансовой защиты домохозяйств при использовании медицинских услуг в России. К числу ключевых индикаторов, определяющих уровень защищенности семей от финансовых нагрузок при использовании услуг, связанных с сохранением здоровья, выбраны следующие: расходы из собственных средств домохозяйств на медицинское обслуживание, катастрофические личные платежи и разорительные выплаты, которые ведут к обнищанию семей, а также индекс эффективного охвата основных медицинских услуг. Анализ финансовой защиты в России на основе этих показателей позволил прийти к следующим выводам. Показатели финансовой защиты в России выглядят вполне удовлетворительно — и по катастрофическим расходам, и по индикатору обнищания населения из-за личных расходов на медицинскую помощь. Однако это объясняется не столько финансовой защищенностью и государственной поддержкой населения, сколько тем, что большое число домохозяйств не может позволить себе тратить деньги на медицинские услуги. Низкий индекс эффективности охвата услугами здравоохранения в нашей стране свидетельствует о том, что значительное число людей не пользуются медицинской помощью, даже когда она необходима.

Ключевые слова: финансовая защита, медицинские услуги, личные расходы, катастрофические платежи, разорительные выплаты.

LYUDMILA V. PANOVA, LEONID A. KUPRIYANOV

FINANCIAL PROTECTION IN HEALTH IN RUSSIA

The work is devoted to the analysis of the financial protection of households when using medical services in Russia. Among the key indicators that determine the level of protection of families from financial burdens when using health-related services, the following were selected: out-of-pocket spending on health care, catastrophic

personal payments and wasteful payments that lead to family impoverishment, and index of essential health services. Analysis of financial protection in Russia based on these indicators led to the following conclusions. The indicators of financial protection in Russia look quite satisfactory — both in terms of catastrophic spending and in terms of the indicator of impoverishment of the population due to personal expenses for medical care. However, this is due not so much to financial security and government support of the population, but to the fact that a large number of households cannot afford to spend money on medical services. The low index of essential health services in our country indicates that a significant number of people do not use medical care, even when it is needed.

Keywords: financial protection, medical services, personal expenses, catastrophic payments, ruinous payments.

Введение

В поздний период Новейшего времени здравоохранение считается одним из обязательств успешно проводимой государственной политики, осуществляемой в любой стране. Но проблемы финансовой защиты населения при использовании необходимых медицинских услуг начали рассматриваться относительно недавно. В 2000 г. доклад Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) об эффективности систем здравоохранения привлек внимание к вопросу о финансовой защите в более широком контексте, а именно при обсуждении вопроса справедливого финансирования здравоохранения (WHO 2000). В 2005 г., на 58-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения, были сформулированы обязательства государств — членов ВОЗ по развитию национальных систем здравоохранения (WHO 2005). Один из решающих тезисов ассамблеи заключался в расширении доступности медико-санитарных услуг для всех людей, нуждающихся в медицинской помощи, так, чтобы они не испытывали финансовых барьеров при оплате. В настоящее время считается, что система здравоохранения рассматривается как эффективная, если она не только заботится о здоровье людей, но и защищает их от финансовых трудностей при использовании необходимой медицинской помощи. То есть при получении услуг здравоохранения общество гарантирует каждому человеку получение качественных услуг, в которых тот нуждается, при условии финансовой защиты со стороны государства (WHO 2010). Внимание к данной проблеме и реальная работа по улучшению медицинской помощи, проводимая во многих странах в течение десяти — пятнадцати лет, позволили продвинуться к более

широкому охвату услугами здравоохранения и обеспечению надежной финансовой защитой населения при использовании медицинского обслуживания (Wagstaff et al. 2018).

Финансовая защита населения в сфере здравоохранения подразумевает отсутствие значительных трудностей в денежных средствах при получении необходимой медицинской помощи, речь идет о минимальных размерах платежей из собственных средств домохозяйств за полученные услуги в момент их использования. Как правило, во всех странах, где население охвачено государственным медицинскими услугами, при любой организации здравоохранения — страховой или непосредственно из бюджета, личные платежи обязательно присутствуют. Но важно понимать, какая доля общих расходов на здравоохранение финансируется за счет личных платежей домохозяйств, учитывать необходимость постоянного использования подобных платежей в случае длительного или хронического заболевания и анализировать объем этих выплат относительно общего дохода семьи.

Классическое определение сильной финансовой защиты состоит в том, что расходы домохозяйств из собственных средств присутствуют на минимальном уровне, при широком спектре медицинских услуг, финансируемых государством, именно в этом случае гарантируется равный и своевременный доступ к услугам высокого качества и реализуется политика защиты уязвимых групп населения. Слабая финансовая защита в сфере здравоохранения складывается тогда, когда отмечается недостаточная деятельность государства по выделению средств для финансирования медицинских услуг за счет общего налогообложения (бюджета) или взносов обязательного медицинского страхования. Причины такой ситуации кроются или в низком уровне экономического развития, или в политике, при которой здравоохранение не ставится в приоритеты развития страны. В результате невысокого уровня выделенных государственных средств значительно увеличиваются собственные расходы домохозяйств на оплату медицинских услуг. Это приводит к тому, что домохозяйства должны больше тратить на лечение в случае болезни, и меньше расходовать на другие базовые потребности (например, питание), что может сопровождаться ухудшением состояния здоровья или отказу от медицинской помощи (WHO 2010: 4).

Обычно слабая финансовая защита граждан характерна для бедных стран, поскольку там правительство не может выделять значительные средства из скудного бюджета на здравоохранение. Но всеобщим мнением считается позиция, что и страны с высокими и средними доходами

нуждаются в постоянном анализе финансовой защиты в сфере использования медицинской помощи своего населения (Thomson et al. 2016).

Сложность измерения финансовой защиты делает чрезвычайно трудной разработку единого показателя. Поэтому в исследованиях, посвященных изучению данной тематики, используют довольно широкий спектр показателей, к их числу относятся: расходы из собственных средств домохозяйств на медицинское обслуживание; катастрофические платежи; разорительные выплаты, которые ведут к обнищанию семей; и индекс эффективности охвата услугами здравоохранения (Wagstaff et al. 2018; Hogan et al. 2017; Saksena et al. 2014; Xu et al. 2003).

Мы пытались проанализировать финансовую защиту населения в сфере здравоохранения России по указанным индикаторам. Информационную базу исследования составили статистические данные ВОЗ, России и сведения Глобального мониторинга по всеобщему охвату услугами здравоохранения, проводящегося в 133 странах (2017 г.), под патронажем Всемирного банка и Всемирной организации здравоохранения.

Расходы из собственных средств домохозяйств

Расходы из собственных средств домохозяйств определяются как платежи, осуществленные непосредственно пациентом, в которых ни обязательное страхование, ни частное не покрывает полную стоимость медицинских услуг. Они включают плату по совместным платежам (так называемые соплатежи) и другие расходы, оплачиваемые домохозяйствами, в том числе и неформальные платежи, если их удастся оценить. Нерегулируемые прямые платежи часто представляют собой серьезный барьер в доступе к необходимой медицинской помощи и способствуют созданию финансовых трудностей для населения.

Проблема личных платежей является предметом исследовательского интереса по многим аспектам. В отечественной литературе много авторов занималось анализом становления и особенностями практики оплаты населением медобслуживания в российской системе здравоохранения, а также вопросами доступности услуг, предназначенных для сохранения здоровья (Чубарова 2020; Шишкин 2014). Европейскими аналитиками значительное внимание уделяется вопросам экономических изменений и их влиянию на финансовое положение здравоохранения. В частности, исследование давления глобального финансового и экономического кризиса на изменение бюджетной политики и, как следствие, особенностей формирования финансирования

здравоохранения. Особенно много внимания уделяется политическим действиям по уменьшению финансовой нагрузки в кризисные годы на уязвимые группы населения (Thomson et al.: 17–50 2015). Американские исследователи считают, что личные расходы являются ключевой проблемой организации здравоохранения в стране в силу отсутствия широко развитой системы государственных гарантий для значительной части населения (Kwon et al. 2018).

Финансовые трудности возникают тогда, когда объем личных платежей становится велик относительно платежеспособности домохозяйств. Обоснованием необходимости исследования финансовой защиты во всех странах, независимо от уровня экономического благополучия, является то, что все способы организации системы здравоохранения в той или иной степени используют личные средства семей в виде соплатежей, оплаты лекарств или в других формах. Следовательно, финансовые трудности, возникающие у семей из-за трат на медицинскую помощь, могут стать проблемой в любой стране с низкими, средними и высокими доходами в т. ч. и в России. Объем личных расходов значительно различается в разных системах здравоохранения, собственные расходы домохозяйств зависят в большей степени от того, насколько полно потребность населения финансируется системой государственных гарантий, разработанной в стране.

Проведенный анализ положения с собственными средствами, расходуемыми населением на поддержание здоровья, показывает следующую картину.

Прежде всего, надо отметить постоянное наращивание личных средств в общем объеме финансирования здравоохранения начиная с 2000 г. В это время расходы из собственных средств домохозяйств составляли менее трети от общего объема финансирования этой отрасли, но продолжающаяся политика оплачиваемых непосредственно пациентами расходов способствовала наращению объема этих платежей. К концу десятилетия этот показатель возрос еще на 6%, а в 2017 г. собственные средства домохозяйств еще раз увеличились и составили уже 40% всех расходов на здравоохранение (WHO 2019a).

Такое длительное и неуклонное возрастание личных расходов российского населения в общем объеме затрат на поддержание здоровья свидетельствует об определенной политике в сфере здравоохранения, когда расходы государства на здравоохранение составляют 3,1% от ВПП (Там же). В таких условиях основной пакет медицинских услуг, обеспечиваемый программой государственных гарантий, все меньше удовлетворял потребностям населения. Следует отметить, большинство

исследователей указывают, что финансовая защита улучшается по мере увеличения государственных расходов, а для того, чтобы эта функция реализовалась и была распространена на большинство населения, необходимо, чтобы расходы государства составляли не менее 5% ВВП (Xu et al. 2018: 17).

Тот факт, что домохозяйства с более низкой материальной обеспеченностью, как правило, имеют более высокие потребности в медицинской помощи, еще более усиливает регрессивный характер личных платежей. Высокие личные платежи могут способствовать тому, что менее обеспеченные группы населения меньше пользуются медицинскими услугами по сравнению с более состоятельными людьми, а это значит, что сама система здравоохранения ограничивает возможности для устранения равенства в здоровье (Thomson et al. 2015: 118). Кроме того, по мере оплаты медицинских услуг доход семьи может значительно уменьшиться, и пациенты, возможно, делают выбор между здоровьем и другими важными потребностями, и наконец, могут подтолкнуть домохозяйство к бедности. Учитывая все предпосылки, можно сказать, что в России, финансирующей за счет личных платежей населения почти половину (40%) объема расходов на здравоохранение, ждать в ближайшее время улучшения качества, доступности медицинских услуг и финансовой защищенности населения довольно трудно.

Катастрофические расходы

Считается, что первое и весьма удачное определение катастрофических расходов было дано в 1986 г. Леоном Вышевянским в процессе научного обсуждения политики финансирования здравоохранения, для того чтобы четко разграничивать катастрофические и дорогостоящие расходы на здравоохранение. Термин «финансово-катастрофические расходы» был предложен для описания случаев, когда медицинские расходы были слишком велики по сравнению с платежеспособностью семьи. По рекомендации автора, личные платежи, превышающие 15% годового дохода семьи, следует считать катастрофическими расходами (Wyszewianski 1986: 382).

Период 70–80-х гг. прошлого века, как считается многими аналитиками, был успешным для исследователей, занимавшихся обоснованием теоретических основ финансовой защиты и прикладными поисками, направленными на измерение катастрофических расходов на медуслуги (Hsu et al. 2018: 70). И если концепция финансовой защиты опирается

на основы страхования и экономической ценности уменьшения финансового риска при больших расходах домохозяйств на здравоохранение (Arrow 1963), то катастрофические расходы определяются как платежи семей, превышающие определенную долю денежных ресурсов домохозяйств (Berki 1986: 139).

Следуя современным методам измерения катастрофических расходов на медицинские услуги, выделяют две наиболее часто используемых концепции, зависящие от того, как определяется платежеспособность домохозяйства. При первом подходе платежеспособность относится ко всем финансовым ресурсам, находящимся в распоряжении домохозяйства, в этом случае личные расходы на медицинские услуги относятся к совокупному потреблению или доходу семьи. Второй подход состоит в том, что денежные средства семьи должны направляться на удовлетворение других базовых потребностей (питание, оплата жилья и пр.), т. е. не все ресурсы домохозяйства могут быть использованы для оплаты услуг здравоохранения. Если придерживаться такого подхода, то платежеспособность должна измеряться с помощью реально располагаемых доходов семьи за исключением расходов на базовые потребности.

Пороговые значения для катастрофических медицинских расходов при первом подходе (отношение к совокупному потреблению семьи или доходу) обычно равны 10–25% от общего дохода домохозяйств; вторая концепция требует большего порогового значения, и оно равно примерно 40% оставшихся доходов после вычета расходов на базовые потребности. В нашей работе использован показатель совокупного потребления домохозяйств в соответствии с официальным показателем финансовой защиты, обозначенным в документе «Цели в области устойчивого развития (ЦУР)», принятом Генеральной Ассамблеей ООН в сентябре 2015 г. (United Nations 2015). Этот показатель определяется как удельный вес населения страны, тратящего на медицинские услуги, включая приобретение лекарств, более 10 или 25% своего дохода. Данные пороговых значений являются официальным показателем катастрофических расходов (раздел 3.8.2 ЦУР).

В России прямые личные платежи домохозяйств за услуги здравоохранения, превышающие 10% дохода семьи, платили в 2016 г., согласно Мониторингу, 4,9% населения страны, что составляет 7,1 млн чел.; больше четверти дохода тратили на эти цели 0,6% жителей, или 879 тыс. чел. (WHO, World Bank 2017: 52). Примерно такая доля домохозяйств с катастрофическими платежами на медицинские услуги сохранялась с 2000-х гг., усугубляя застойную бедность (Моссиалос 2019: 78).

Небольшая численность российских домохозяйств с катастрофическими платежами при значительных прямых расходах населения в финансировании здравоохранения, составляющих до 40%, заставляет думать о том, что значительное число населения не пользуется медицинской помощью из-за невозможности тратить свои невысокие доходы на лечение, реабилитацию и другие услуги здравоохранения. На возможность такого выбора между здоровьем и удовлетворением базовых потребностей указывали ряд исследователей (Cavagnero et al. 2006; Pradhan et al. 2002).

Разорительные платежи домохозяйств за медицинскую помощь

Второй подход к измерению финансовой защищенности населения состоит в том, что рассматривается вопрос, насколько тяжелы расходы домохозяйств на медицинскую помощь, способны ли они привести к бедности и нищете. Опасность такой ситуации может возникнуть в тех случаях, когда расходы на поддержание здоровья вынуждают домохозяйства сократить траты на покрытие базовых потребностей до такой степени, что потребление семьи оказывается ниже уровня бедности.

Первые исследования по поводу разорительных платежей или обнищания домохозяйств из-за медицинских расходов проводились в конце прошлого века. Исследование, охватывающее 89 стран, было проведено группой ученых в 1997 г. вместе с изучением катастрофических расходов (Xu et al. 2003), вторая работа включала одиннадцать азиатских стран с низким и средним уровнем дохода в 1999–2000 гг. (Doorslaer et al. 2008). В первом исследовании домашнее хозяйство определялось как бедное, если его доходы были меньше расходов на питание. Последний показатель был установлен на уровне, равном средним расходам на питание среди домохозяйств, т. е. расходы составляли 45–55% от общего потребления. В странах с низким и средним уровнем доходов потребление продуктов питания в среднем составляло 2000 ккал. Полученные результаты показали, что 100 млн чел. по всему миру ежегодно (1,7% населения) попадают за черту бедности из-за личных расходов на здоровье.

В анализе данных по одиннадцати азиатским странам использовали общенациональные репрезентативные опросы для определения выплат на медицинские нужды, ресурсов семей на потребление продуктов питания и прочие базовые расходы. Семья считалась бедной, если

ее доходы были ниже черты бедности, определяемой Всемирным банком по двум международным показателям: абсолютной бедности, или показателю крайней нищеты — 1,08 долл. США, и умеренной бедности, составляющей 2,15 долл. на душу населения в день (скорректированных с учетом паритета покупательной способности в ценах 1993 г. в каждой стране). Полученные результаты этого исследования показали, что оценка общей распространенности абсолютной бедности в странах была на 14% выше, чем обычно при оценке, не учитывающей расходы из собственных средств домохозяйств на медицинское обслуживание.

При проведении исследований в настоящее время используются новые международные пороги бедности, 1,9 долл. в день считаются крайней бедностью, 3,1 долл. в день — умеренная бедность. Расчет ведется при покупательной способности 2011 г. (WHO, World Bank 2017).

Количество обнищавших определяется как разность между числом домохозяйств, проживающих в нищете, при учете их платежей за услуги здравоохранения и числом признанных как проживающие в нищете без учета этих платежей.

По данным Мониторинга всеобщего охвата медико-санитарными услугами (ВОМСУ), анализ платежей из собственных средств, приводящих к обнищанию, при использовании черты бедности, составляющей 1,90 долл. в день, для стран с высокими и средними доходами, а Россия относится к государствам со средними доходами, не актуален. Это объясняется тем, что страны с высокими и средними доходами при минимальной черте бедности (1,90 долл.) практически не имеют людей, живущих в такой нищете. Что же касается второго порога нищеты, составляющего умеренную бедность — 3,1 долл. в день, то в России незначительная доля населения, пребывающего ниже черты бедности, составила в 2016 г. сотую долю процента, или 1,5 млн чел.

Индекс эффективного охвата основных медицинских услуг

Рассматривая причины, вызывающие катастрофические расходы или платежи за медицинскую помощь, приводящие к обнищанию, большинство исследователей отмечает, что такое явление может быть связано не только со слабой финансовой защитой населения, но и с ограниченным доступом к медицинской помощи в связи с неполным охватом населения страны в силу разных причин. Чтобы избежать этого, анализ финансовой защиты должен быть дополнен

показателями охвата населения услугами здравоохранения. Именно сочетание основных показателей финансовой защиты и уровня обеспеченности услугами медицинской помощи дает полную картину эффективности системы здравоохранения.

В процессе подготовки индикаторов Мониторинга по оценке достижения охвата был создан показатель эффективного охвата, который дает представление не только о взаимодействии пациентов с врачами и другим медицинским персоналом, но и отражает качество получаемой помощи и результаты пользования услугами здравоохранения. В итоге был сформирован индекс, охватывающий все основные области медицинских услуг (Воегта et al. 2014). Этот индекс включает 16 основных медико-санитарных услуг, разбитых на четыре категории, в качестве показателей уровня и справедливости охвата населения. Эти категории охватывают качество репродуктивного здоровья, здоровье матерей и новорожденных; лечение инфекционных болезней; неинфекционных заболеваний; оборудование и доступность лечебных учреждений. В свою очередь, каждая категория разбивается еще на четыре индикатора, таким образом, шестнадцать показателей оценивают эффективность охвата услугами здравоохранения. В их число входят важнейшие для здоровья медицинские услуги, в частности родовспоможение; иммунизация детей; лечение туберкулеза; лечение ВИЧ; профилактика сердечно-сосудистых заболеваний; выявление и лечение рака; борьба с курением табака; доступ к больницам; доступ к основным лекарственным средствам. Именно их и включили в индекс эффективного охвата основных медицинских услуг, который измеряется по шкале от 0 до 100%. Разработчики мониторинга справедливо отмечают, что конечная цель универсального покрытия состоит в обеспечении всего населения необходимыми услугами здравоохранения, т. е. речь идет о 100-процентном охвате. Но для достижения этой конечной, идеальной цели важно поставить промежуточные задачи, основанные на реальном положении дел. Оценка нынешних условий состоит в том, что на практике целевые установки могут лучше соответствовать критерию «амбициозные, но достижимые», в отличие от идеальных. Поэтому реальные цели в настоящее время состоят в охвате 80% населения основными услугами здравоохранения независимо от уровня благосостояния, места проживания и пола (WHO, World Bank 2014: 6). Следует сказать, что в базе данных верхняя граница охвата обозначена именно так — 80% и выше.

В соответствии с данными Мониторинга всеобщего охвата медико-санитарными услугами индекс эффективности охвата населения

в нашей стране составляет 63% (в странах, входящих в ЕС, — порядка 78–95%). Особенно низкий показатель по эффективному лечению туберкулеза, он составляет 60%, еще хуже обстоит с лечением ВИЧ — лица с ВИЧ, получающие антиретровирусную терапию, составляют только 28% от всех больных этим заболеванием; распространенность курения как косвенный показатель эффективных мер по борьбе с табаком очень высока, почти половина населения в России от 15 лет и выше (47%) курят (WHO, World Bank 2017: 60). Это подтверждает наше предположение о том, что при довольно хороших показателях финансовой защиты значительная часть населения России при серьезных заболеваниях не пользуется услугами здравоохранения.

Заключение

Анализ финансовой защиты домохозяйств при использовании медицинских услуг в России по следующим индикаторам: личные расходы домохозяйств в средствах, выделяемых на здравоохранение, катастрофические и разорительные платежи семей за медицинскую помощь и индекс эффективного охвата основных медицинских услуг позволил прийти к следующим выводам.

Изучение российских данных о трендах личных средств домохозяйств, затраченных на поддержание здоровья, свидетельствует о том, что последние двадцать лет происходит существенный рост прямых личных затрат на содержание здравоохранения. Высокий уровень расходов из собственных средств домохозяйств подтверждает, что средства, обеспечиваемые программой государственных гарантий, так называемый базовый пакет медицинских услуг, слишком малы для того, чтобы удовлетворить потребности населения в медицинской помощи. Государственная политика в нашей стране, сохраняя такие пропорции затрат на здравоохранение, способствует дальнейшему формированию все более выраженных финансовых трудностей в обеспечении здоровья для групп населения с небольшими доходами. В основном, можно сказать, что показатели финансовой защиты в стране демонстрируют неплохие значения и по катастрофическим расходам, и по индикатору обнищания населения из-за трат собственных средств на медицинскую помощь. Но расходы из собственных средств, непрерывно растущих и составляющих уже 40% объема расходов на здравоохранение, и индекс охвата населения медико-санитарными услугами (63%) говорят о том, что финансовая защита российских домохозяйств слабая.

Источники

Моссиалос Э. Обзор глобальных тенденций в развитии здравоохранения // Оргздрав: новости, мнения, обучение // Вестник ВШОУЗ. — 2019. — Т. 5, № 2. — С. 57–79.

Чубарова Т. В. Доходы и потребление медицинских услуг: опыт анализа с позиции теории опекаемых благ // Журнал новой экономической ассоциации. — 2020. — Т. 47, № 3. — С. 190–196.

Шишкин С. В., Потанчик Е. Г., Селезнева Е. В. Оплата пациентами медицинской помощи в российской системе здравоохранения. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

Arrow K. Uncertainty and the welfare economics of medical care // The American Economic Review. — 1963. — No. 53. — P. 941–973.

Berki S. A look at catastrophic medical expenses and the poor // Health Affairs. — 1986. — Vol. 5, no. 4. — P. 138–145. — DOI: 10.1377/hlthaff.5.4.138.

Boerma T., Abou Zahr C., Evans D., Evans T. Monitoring intervention coverage in the context of universal health coverage // PLoS Med. — 2014. — Vol. 9, no. 11. — P. 1001728. — DOI: 10.1371/journal.pmed.1001728.

Cavagnero E., Carrin G., Xu K., Aguilar-Rivera A. Health financing in Argentina: an empirical study of health care expenditure and utilization // WHO. Innovations in Health Financing: Working Paper Series: 8. — 2006.

Doorslaer E., O'Donnell O., Rannan-Eliya R., Somanathan A., Adhikari S., Harbianto D., Herrin A., Huq M., Ibragimova S., Karan A., Pande B., Racelis R., Tao S., Tin K., Tisayaticom K., Trisnantoro L., Vasavid C., Zhao Y. Effect of payments for health care on poverty estimates in 11 countries in Asia: an analysis of household survey data // Lancet. — 2006. — No. 368. — P. 1357–1364. — DOI: 10.1002/hec.1209.

Hogan D., Stevens G., Hosseinpoor A., Boerma T. Monitoring universal health coverage within the Sustainable Development Goals: development and baseline data for an index of essential health services // Lancet Global Health. — 2017. — No. 6. — P. e152–168. — DOI: 10.1016/S2214-109X(17)30472-2.

Hsu J., Flores G., Evans D., Mills A., Hanson K. Measuring financial protection against catastrophic health expenditures: methodological challenges for global monitoring // International Journal for Equity in Health. — 2018. — No. 17. — P. 69–72.

Jowett M., Brunal M., Flores G., Cylus J. Spending targets for health: no magic number. Geneva // WHO. Health Financing Working Paper No. 1. — 2016. — DOI: 10.1186/s12939-018-0749-5.

Kwon E., Park S., McBride T. Health Insurance and Poverty in Trajectories of Out-of-Pocket Expenditure among Low-Income Middle-Aged Adults // Health Services Research. — 2018. — Vol. 53, No. 6. — P. 4332–4352.

Pradhan M., Prescott N. Social risk management options for medical care in Indonesia // Health Economics. — 2002. — No 11. — P. 431–446.

Saksena P., Hsu J., Evans D. Financial risk protection and universal health coverage: evidence and measurement challenges // PLoS med. — 2014. — Vol. 11, No. 9. — P. e1001701. — DOI: 10.1371/journal.pmed.1001701.

Thomson S., Figueras J., Evetovits T., Jowett M., Mladovsky P., Maresso A., Cylus J., Karanikolos M., Kluge H. Economic Crisis, Health Systems and Health in Europe: Impact and implications for policy // WHO/European Observatory on Health Systems and Policies. — Copenhagen: Open University Press, 2015.

Thomson S., Evetovits T., Cylus J., Jakab M. Monitoring financial protection to assess progress towards universal health coverage in Europe // Public health panorama. — 2016. — Vol. 2, No. 3. — P. 249–400.

United Nations (2015). Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development (A/70/1).

Wagstaff A., Van Doorslaer E. Catastrophe and impoverishment in paying in health care: with applications to Vietnam 1993-98 // Health Economics. — 2003. — Vol. 12, No. 11. — P. 921–934. — DOI: 10.1002/hec.776.

Wagstaff A., Flores G., Hsu J., Smitz M., Chepynoga K., Buisman L., Wilgenburg K., Eozenou P. Progress on catastrophic health spending in 133 countries: a retrospective observational study // Lancet Global Health. — 2018. — Vol. 6, No. 2. — P. e169–179. — DOI: org/10.1016/S2214-109X(17)30429-1.

WHO. World Health Report — Health systems: improving performance. — Geneva, 2000.

WHO. Fifty-eighth world health assembly. Social health insurance Sustainable health financing, universal coverage and social health insurance. Report by the Secretariat. — Geneva, 2005.

WHO. The World Health Report Health systems financing: the path to universal coverage. — Geneva, 2010.

WHO, World Bank. Monitoring progress towards universal health coverage at country and global levels. Framework, measures and targets. — Geneva, 2014.

WHO, World Bank. Tracking Universal Health Coverage: Global Monitoring Report. — Geneva: World Health Organization, 2017.

WHO. Global Health Expenditure Database WHO. Health System Financing Profile by country. 2019a. — URL: https://apps.who.int/nha/database/country_profile/Index/en (access date: 10.05.2021).

WHO World health statistics 2019: monitoring health for the SDGs, sustainable development goals. Geneva: World Health Organization, 2019b.

Wyszewianski L. Financially catastrophic and high-cost cases: definitions, distinctions, and their implications for policy formulation // Inquiry. — 1986. — Vol. 23, No. 4. — P. 382–394.

Xu K., Evans D., Kawabata K., Zeramdini R., Klavus J., Murray C. Household catastrophic health expenditure: a multicountry analysis // Lancet. — 2003. — No. 362, Iss. 9378. — P. 111–117.

Xu K., Soucat A., Kutzin J., Brindley C., Maele N., Touré H., Garcia M., Li D., Barroy H., Flores G., Roubal T., Indikadahena C., Cherilova V., Siroka A. Public spending on health: a closer look at global trends. Geneva: World Health Organization. 2018.

References

- Arrow K. Uncertainty and the welfare economics of medical care. *The American Economic Review*, 1963, no. 53, pp. 941–973.
- Berki S. A look at catastrophic medical expenses and the poor. *Health Affairs*, 1986, vol. 5 (4), pp. 138–145. DOI: 10.1377/hlthaff.5.4.138.
- Boerma T., Abou Zahr C., Evans D., Evans T. Monitoring intervention coverage in the context of universal health coverage. *PLoS Med*, 2014, vol. 11 (9), p. e1001728.
- Cavagnero E., Carrin G., Xu K., Aguilar-Rivera A. Health financing in Argentina: an empirical study of health care expenditure and utilization. *WHO. Innovations in Health Financing: Working Paper Series*, 8, 2006.
- Chubarova T. V. Dokhody i potreblenie meditsinskikh uslug: opyt analiza s pozitsii teorii opekaemykh blag [Income and consumption of medical services: an analysis experience from the perspective of the theory of trusteeship]. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 2020, vol. 47 (3), pp. 190–196. (In Russian)
- Doorslaer E., O'Donnell O. et al. *Effect of payments for health care on poverty estimates in 11 countries in Asia: an analysis of household survey data*, 2006, no. 368, pp. 1357–1364. DOI: 10.1002/hec.1209.
- Hogan D., Stevens G., Hosseinpoor A., Boerma T. Monitoring universal health coverage within the Sustainable Development Goals: development and baseline data for an index of essential health services. *Lancet Global Health*, 2018, no. 6, p. e152–168. DOI: 10.1016/S2214-109X(17)30472-2.
- Hsu J., Flores G., Evans D., Mills A., Hanson K. Measuring financial protection against catastrophic health expenditures: methodological challenges for global monitoring. *International Journal for Equity in Health*, 2018, no. 17, pp. 69–72.
- Jowett M., Brunal M., Flores G., Cylus J. Spending targets for health: no magic number. Geneva. *WHO. Health Financing Working Paper*, 2016, no. 1. DOI: 10.1186/s12939-018-0749-5.
- Kwon E., Park S., McBride T. Health Insurance and Poverty in Trajectories of Out-of-Pocket Expenditure among Low-Income Middle-Aged Adults. *Health Services Research*, 2018, vol. 53 (6), pp. 4332–4352.
- Mossialos E. Obzor global'nykh tendentsiy v razvitiy zdravookhraneniya [Review of Global Trends in Healthcare Development]. *Vestnik VShOUZ*. [Bulletin of the High School of Organisation and Health Management], 2019, vol. 5 (2), pp. 57–79. (In Russian)
- Pradhan M., Prescott N. Social risk management options for medical care in Indonesia. *Health Economics*, 2002, no. 11, pp. 431–446.
- Saksena P., Hsu J., Evans D. Financial risk protection and universal health coverage: evidence and measurement challenges. *PLoS med*, 2014, vol. 11 (9), p. e1001701. DOI: 10.1371/journal.pmed.1001701.
- Shishkin S. V., Potapchik E. G., Selezneva E. V. *Oplata patsientami meditsinskoy pomoshchi v rossiyskoy sisteme zdravookhraneniya [Payment by patients for medical care in the Russian health care system]*. Moscow: Ed. House of the HSE, 2014. (In Russian)
- Thomson S., Figueras J. et al. Economic Crisis, Health Systems and Health in Europe: Impact and implications for policy. *WHO/European Observatory on Health Systems and Policies*. Copenhagen, Open University Press, 2015.
- Thomson S., Evetovits T., Cylus J., Jakab M. Monitoring financial protection to assess progress towards universal health coverage in Europe. *Public health panorama*, 2016, vol. 2 (3), pp. 358–400.
- United Nations. *Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development (A/70/1)*. 2015.

Wagstaff A., Van Doorslaer E. Catastrophe and impoverishment in paying in health care: with applications to Vietnam 1993–98. *Health Economics*, 2003, vol. 12 (11), pp. 921–934. DOI: 10.1002/hec.776.

Wagstaff A., Flores G., Hsu J., Smitz M., Chepynoga K., Buisman L., Wilgenburg K., Eozenou P. Progress on catastrophic health spending in 133 countries: a retrospective observational study. *Lancet Global Health*, 2018, vol. 6 (2), pp. e169–179. DOI: 10.1016/S2214-109X(17)30429-1.

WHO. *World Health Report – Health systems: improving performance*. Geneva, 2000.

WHO. *Fifty-eighth world health assembly. Social health insurance Sustainable health financing, universal coverage and social health insurance. Report by the Secretariat*. Geneva, 2005.

WHO. *The World Health Report Health systems financing: the path to universal coverage*. Geneva, 2010.

WHO, World Bank. *Monitoring progress towards universal health coverage at country and global levels. Framework, measures and targets*. Geneva, 2014.

WHO, World Bank. *Tracking Universal Health Coverage: 2017 Global Monitoring Report*, 2017.

WHO. *Global Health Expenditure Database WHO. Health System Financing Profile by country*. URL: https://apps.who.int/nha/database/country_profile/Index/en (access date: 10.05.2021).

WHO. *World health statistics 2019: monitoring health for the SDGs, sustainable development goals*. Geneva: World Health Organization. 2019b.

Wyszewianski L. Financially catastrophic and high-cost cases: definitions, distinctions, and their implications for policy formulation. *Inquiry*, 1986, vol. 23 (4), pp. 382–394.

Xu K., Evans D., Kawabata K., Zeramdini R., Klavus J., Murray C. Household catastrophic health expenditure: a multicountry analysis. *Lancet*, 2003, vol. 362 (9378), pp. 111–117. DOI: 10.1016/S0140-6736(03)13861-5.

Xu K., Soucat A., Kutzin J., Brindley C., Maele N., Touré H., Garcia M., Li D., Barroy H., Flores G., Roubal T., Indikadahena C., Cherilova V., Siroka A. *Public spending on health: a closer look at global trends*. Geneva: World Health Organization. 2018.

Панова Людмила Васильевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник. Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

Panova Lyudmila V., PhD in Economy, Senior Researcher. Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation.
l_panova@list.ru

Куприянов Леонид Александрович, научный сотрудник. Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

Kupriyanov Leonid A., Researcher, Sociological Institute of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation.
l.kupriyanov@socinst.ru

О. Н. Бурмыкина

МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НЕПОЛНЫХ И ПОЛНЫХ СЕМЬЯХ

В статье исследуются межпоколенные отношения в неполных и полных семьях. Информационную базу составили материалы обследования Росстата «Комплексное наблюдение условий жизни населения 2018» (КОУЖ 2018). Материальное положение неполных и полных семей неудовлетворительно. Денежные доходы «не дотягивают» до социально приемлемого потребительского бюджета и уходят в основном на удовлетворение необходимых жизненных потребностей. Межпоколенные отношения родителей и детей остаются тесными, о чем свидетельствует их взаимная поддержка. При одинаковой структуре помощи старшему поколению проявились различия в ее оказании со стороны детей из неполных и полных семей. Городские дети из неполных семей, в первую очередь, оказывают инструментальную помощь родителям, тогда как сельские дети — хозяйственную. Родители являются опорой и молодому, и старшему поколению семьи. Поддержка молодых сводится к финансовым трансфертам, старшего поколения — к ежедневному уходу за пожилыми членами семьи. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о сходстве межпоколенных отношений в городских и сельских неполных семьях разных типов, различия же проходят между неполными и полными семьями.

Ключевые слова: семья, межпоколенные отношения, неполные семьи, полные семьи, городские неполные семьи, сельские неполные семьи.

OLGA N. BURMYKINA

INTERGENERATIONAL RELATIONSHIP IN INCOMPLETE AND COMPLETE FAMILIES

The article examines intergenerational relationships in incomplete and complete families. The information base was compiled by the materials of the Rosstat survey “Comprehensive observation of living conditions of the population 2018”. The financial situation of incomplete and complete families is unsatisfactory. Monetary incomes “do not reach” the socially acceptable consumer budget and are mainly spent on satisfying the essential needs of life. The intergenerational relationship between parents and children remains close, as evidenced by their mutual support. With the same structure of assistance to the older generation, differences in its provision by children from incomplete and complete families appeared. Urban children from single-parent families, first of all, provide instrumental assistance to

their parents, while rural children provide housekeeping help. Parents are a support for both the young and the older generations of the family. Support for the young is reduced to financial transfers, for the older generation — to the daily care of elderly family members. The performed analysis allows us to draw a conclusion about the similarity of intergenerational relations in urban and rural incomplete families of different types, while the differences are between incomplete and complete families.

Keywords: family, intergenerational relationships, incomplete families, complete families, urban incomplete families, rural incomplete families.

В середине XX в. в России исторически сложился и стал наиболее распространенным тип нуклеарной семьи, состоящей из супружеской пары с небольшим количеством детей. По данным переписи 2010 г., самыми распространенными были три разновидности семьи: супружеская пара с детьми или без детей (нуклеарная семья) (52,1%); один из родителей с детьми (неполная нуклеарная семья) (15,4%); супружеская пара с детьми или без детей с одним из родителей супругов и другими родственниками (сложная семья с супружеским ядром) (13,9%)*. Средний размер семьи составил 3,1 чел.; по числу детей моложе 18 лет преобладали семьи с одним ребенком (65,5%) (Итоги Всероссийской переписи 2010 г. Т. 6). По оценкам отечественных исследователей, основные изменения в демографической структуре российских семей в 1990-е гг. были связаны с ростом доли неполных семей, главным образом материнских, и уменьшением доли семей с брачными парами (полных). Рост доли неполных семей происходил под влиянием нескольких факторов, к которым относятся высокий уровень разводов и вдовства (вследствие повышенной смертности мужчин трудоспособного возраста), а также рост числа внебрачных рождений. Тенденции последнего десятилетия в основном продолжают тренды предыдущего за одним исключением — стабилизировалась доля неполных семей на уровне 21%. Продолжает уменьшаться доля полных семей (супруги с детьми или без детей) за счет заметного увеличения доли семей «прочих» типов. (Иванова, Михеева 1999: 220; Прокофьева 2013: 78–79; Захаров, Чурилова 2013: 92; Население России 2016: 92; Елисеева 2016: 22).

Под неполной семьей понимают семью родителя, который вследствие различных причин один воспитывает и несет ответственность за живущего на его иждивении ребенка / детей (кровных, приемных, опекаемых). По своему составу и родственно-поколенным отношениям данные семьи

---

* Рассчитано на основе «Итоги переписи населения 2010». Т. 6: Число и состав домохозяйств [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-03.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

неоднородны. Различают простую неполную семью, состоящую из матери (отца) с ребенком или несколькими детьми, и расширенную, куда, помимо матери (отца) с ребенком или детьми, входят и другие родственники. В составе неполных семей основное место занимают семьи матерей, проживающих без партнера и родивших ребенка вне брачного союза, разведенных или овдовевших. В обыденном сознании россиян неполные семьи ассоциируются прежде всего с материнскими семьями, семьями одиноких матерей, поскольку подавляющее большинство простых и расширенных неполных семей состоят из матерей, воспитывающих ребенка (детей). Однако неполную семью нельзя отождествлять исключительно с материнской в силу их разного происхождения, разного брачного статуса матерей. «Материнская семья, условно говоря, изначально безбрачна, тогда как неполная — не что иное как „осколок“ моногамии», образовавшийся в результате развода или овдовения (Голод 1998: 189).

По данным переписи населения 2010 г., неполные семьи матерей с детьми составляли 27% от общего числа семейных ячеек с детьми до 18 лет, тогда как неполные семьи отцов с детьми — 3%. В семьях одиноких матерей воспитывалось четверть (25%) всех детей в возрасте до 18 лет, живущих в семье (Захаров, Чурилова 2013: 92). По-видимому, этими обстоятельствами объясняется то, что внимание исследователей направлено в первую очередь на изучение семей одиноких матерей (Иванова, Михеева 1999; Толокнова 2010; Чурилова 2015). Основными предметными сферами изучения неполной семьи являются: проблемы воспитания и социализации детей (низкая успеваемость, конфликты, состояние здоровья и т. д.) (Дементьева 2001; Гурко, Орлова 2011); проблемы социального самочувствия матерей и отцов в неполных семьях, риски и сложности (Гурко 2003; Дементьева 2008; Левая 2013); проблемы материального положения, социальной помощи неполной семье (Луныкова 2001; Ярская-Смирнова, Романов 2004; Семья и дети в России... 2009; Корчагина, Овчарова, Прокофьева, Бурдяк, Синявская 2009; Любимова 2012; Прокофьева, Рыбальченко 2013). Анализу межпоколенных отношений в неполных семьях и сравнению их с подобными отношениями в полной семье посвящены в основном работы психологического характера, в которых объектами исследования выступают матери и дети, бабушки и внуки, живущие вместе (Дудина 2012; Сапоровская 2012). Изучение отношений разных поколений членов неполных и полных семей, проживающих отдельно, проводилось в рамках исследования межпоколенных отношений в целом, уровня жизни и материального благополучия семей (Синявская, Гладникова 2007; Прокофьева 2008; Миронова 2014; Прокофьева, Миронова 2015; Миронова 2016).

Цель данного исследования — изучение межпоколенных отношений в семьях разного типа. Задачи исследования состояли в описании объективных и субъективных оценок материального положения неполных и полных семей; выявлении сходств и различий межпоколенных отношений, складывающихся в этих семьях; выявлении сходств и различий межпоколенных отношений в городских и сельских неполных семьях. Информационная база — материалы обследования Росстата «Комплексное наблюдение условий жизни населения 2018» (КОУЖ 2018*) (Комплексное наблюдение условий жизни 2018). Исследование включает блок вопросов, описывающих материальное положение домохозяйств; блок вопросов, касающихся взаимной межсемейной помощи и поддержки родителей и детей, проживающих отдельно; вопросы относительно интенсивности общения с родственниками и ухода за пожилыми и больными. Из всех домохозяйств были выделены и проанализированы те, в состав которых входили одиночки с детьми до 18 лет (простые неполные семьи) и супружеские пары с детьми до 18 лет (простые полные семьи). В типологической структуре семейных единиц доля первых составила 8% ($N = 10\,724$ чел.), вторых — 34% ($N = 37\,562$ чел.). Для выявления региональных различий в межпоколенных отношениях неполных семей были сформированы две подвыборки: неполные семьи в городских и сельских поселениях. Анализировались наиболее распространенные первые два типа — простые ($N = 7\,025$) и расширенные ($N = 4\,038$) неполные семьи**.

Результаты

Материальное положение: объективные и субъективные оценки.

Основными источниками средств к существованию неполных и полных семей являются заработная плата в денежной и натуральной форме от работы по найму, пенсии всех видов, денежные субсидии, компенсации

---

* Обследование «КОУЖ 2018» проведено в сентябре 2018 г. во всех субъектах РФ с охватом 60 тыс. домохозяйств, репрезентирующих все частные домохозяйства и население в них, проживающие на территории РФ. Единицами анализа являлись домохозяйства (59 994) и живущие в нем члены (130 610 чел.).

** В типологической структуре неполных семей выделялись 5 типов: домохозяйства, состоящие: из матери (отца) с ребенком (детьми) и без других лиц (53%); из матери (отца) с ребенком (детьми) и с другими лицами (31%); из одной супружеской пары без ребенка (детей) и другими лицами (14%); из одной супружеской пары с ребенком (детьми) и другими лицами (1,7%); из двух и более супружеских пар (с детьми или без детей) и с другими родственниками (0,5%) / URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html. Статистическая обработка данных выполнена к. б. н. В. Б. Нечаевым.

и льготы. Деньги и подарки от проживающих отдельно родственников и других частных лиц входят в бюджеты почти четверти семей (24 и 23%). Соотношение частоты получения социальных трансфертов без учета пенсий (пособия, субсидии, доплаты, стипендии) и частных трансфертов (материальная поддержка родственников и друзей) в пользу первых.

Финансовое положение семей определялось на основе оценок месячного денежного дохода домохозяйства. Поскольку разброс величин этого дохода значителен, будем опираться на агрегированные показатели, позволяющие сравнивать уровень доходов наименее и наиболее, а также среднеобеспеченных семей. Выделены четыре категории, границы между которыми соответствуют делению на квартили массивов данных о реальных доходах неполных и полных семей. Наименее обеспеченными с доходами до 15 тыс. руб. оказались 14% семей того и другого типа. На долю среднеобеспеченных с доходами до 50 тыс. руб. (квартили 2 и 3) пришлось чуть больше половины семей (соответственно 54% неполных и 52% полных семей). Наиболее обеспеченных с доходами от 50 тыс. руб. и выше — треть (32 и 34%). Соотнесение выявленных бюджетов неполных и полных семей с социальными стандартами потребительского бюджета, измеряемого в прожиточных минимумах (ПМ) на душу населения*, показывает, что эти бюджеты «не дотягивают» даже до социально приемлемого бюджета в три ПМ. Социально приемлемый потребительский бюджет неполной семьи с учетом ее демографического состава составил 63 825 руб., полной — 97 200 руб.**

Субъективные оценки возможностей дохода неполных и полных семей практически не отличаются (табл. 1). Доходы подавляющего большинства семей позволяют им полноценно питаться, покупать жизненно необходимые лекарства, новую одежду. Почти в два раза ниже оцениваются возможности проведения отпуска вне дома, замены простой мебели, возможности справиться с непредвиденными расходами в случае срочного ремонта жилья и домашней техники, а также возникших проблем со здоровьем. По-видимому, это косвенно свидетельствует о том, что семьи живут «сегодняшним днем»: большая часть дохода уходит на удовлетворение потребностей в питании, одежде,

---

* Социально приемлемый бюджет составляет 3 ПМ, бюджет среднего достатка — 7 ПМ и высокого достатка — 11 ПМ (Мониторинг доходов и уровня жизни населения России 2018: 61).

** Потребительские бюджеты рассчитаны с учетом демографического состава семей (неполные семьи: 1 взрослый + 1 ребенок; полные семьи: 2 взрослых + 1 ребенок) и ПМ трудоспособного населения — 11 125 руб. и ПМ детей — 10 150 руб. за 2018 г. (Мониторинг доходов и уровня жизни населения России: 2018: 61).

в поддержании здоровья. При этом каждая десятая неполная и полная семья даже этого не может себе позволить. Более половины семей не может справиться с неожиданными тратами на срочный ремонт жилища или на срочные медицинские услуги. Возможности делать накопления, которые можно было бы использовать в случае острой необходимости, например болезни членов семьи, весьма ограничены. Большинству (80%) как неполных, так и полных семей в той или иной степени трудно «свести концы с концами», т. е. оплатить все необходимые ежедневные расходы.

Таблица 1

**Субъективные оценки возможностей дохода
неполных и полных семей (% ответивших)**

Имеют возможность...	Неполные семьи (N = 4960)	Полные семьи (N = 19 097)
позволить питание из мяса, птицы или рыбы (или равноценную вегетарианскую пищу) раз в два дня	89	89
оплачивать жизненно необходимые лекарства	88	88
покупать членам семьи новую одежду по мере износа	87	87
употреблять фрукты в любое время года	76	76
приглашать гостей на семейное торжество	72	71
покупать каждому члену семьи две пары удобной и подходящей по сезону обуви (по одной на каждый сезон)	62	62
каждый год одну неделю отпуска проводить вне дома (включая проведенное время во втором жилье, у родственников, у друзей)	44	44
заменить пришедшую в негодность самую простую мебель	42	43
справиться с неожиданными тратами (расходы на срочный ремонт жилья, замену предметов длительного пользования, срочные медицинские услуги и т. д.)	41	43

Источник: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/Files/80.2.xlsx.

Межпоколенные отношения в неполных и полных семьях: родители и дети, проживающие отдельно. О детях (вне зависимости от их возраста), проживающих отдельно, сообщили 8% родителей из неполных семей и 12% — из полных. Половина из них живет в том же городе или селе, где живут родители, 48% — в другом населенном пункте, 2% — в другой стране. В большинстве случаев вне дома живет один ребенок из семьи. Несмотря на раздельное проживание, взаимопомощи и поддержки между членами семьи сохраняются. Формы этой помощи разнообразны: деньги, покупка продуктов и вещей, бытовая и хозяйственная помощь, уход за больными членами семьи и др. Как показывает табл. 2, структура помощи детей своим родителям в изучаемых семьях одинакова.

Таблица 2

**Помощь ДЕТЕЙ из неполных и полных семей своим РОДИТЕЛЯМ
(по данным «КОУЖ 18») (% ответивших).**

Да, ...	Неполные семьи (N = 405)	Полные семьи (N = 2650)
помогаю по хозяйству	45	38
оказываю другую помощь	42	33
ухаживаю во время болезни	34	27
покупаю продукты, вещи	24	13
оказываю денежную помощь	23	11

В первую очередь, дети помогают по хозяйству, оказывают другую помощь, куда может входить помощь в освоении новой бытовой техники от компьютеров до телефонов, информационная и эмоциональная поддержка в различных жизненных ситуациях и т. п., ухаживают за родителями во время болезни. Дети из неполных семей значительно чаще помогают своим родителям, чем дети, выросшие с обоими родителями. Особенно это касается финансовой помощи, а также покупки продуктов и вещей. Почти четверть родителей из неполных семей указывают на эти виды поддержки (23 и 24%), родителям же из полных семей эта помощь оказывается в два раза реже (11 и 13%).

Различия всех видов помощи старшему поколению неполных и полных семей оказались высоко достоверны. (Частотные распределения

оценивались при помощи точного критерия Фишера, $p < 0,0001$.) Полные семьи, по сравнению с неполными, чаще не испытывают необходимости в помощи со стороны своих детей, проживающих отдельно. Основная причина не оказания помощи, по мнению всех родителей, состоит в отсутствии материальных возможностей их детей.

Структура помощи детям, проживающим отдельно, оказалась «перевернутой» относительно структуры ответной помощи. Основная помощь родителей из всех типов семей — финансовая и материальная. Причем возможности родителей из полных семей в оказании денежной помощи выше.

Межпоколенные отношения в городских и сельских неполных семьях разного типа. О детях (вне зависимости от их возраста), проживающих отдельно, сообщили родители из 8% городских и 16% сельских монородительских семей и значительно больше родителей из расширенных семей: соответственно 17% городских и 22% сельских. Дети из расширенных неполных семей чаще живут в том же городе или селе, что и их родители, тогда как дети из простых семей — в другом месте. В большинстве случаев вне дома живет один ребенок из неполной семьи.

Как показал проведенный выше анализ, финансовое положение неполных семей, независимо от места их проживания и состава, в целом неудовлетворительно. Денежные доходы таких семей «не дотягивают» до социально приемлемого потребительского бюджета и уходят в основном на самые необходимые нужды (питание, одежда, лекарства). Подавляющему большинству в той или иной степени трудно «свести концы с концами», оплатить все необходимые ежедневные расходы. Доходы только трети неполных семей позволяют им справиться с неожиданными тратами, возникшими в связи с проблемами со здоровьем или срочными хозяйственными нуждами (ремонт жилья, бытовой техники). Особенно тяжело в таких ситуациях приходится сельским неполным семьям.

О тесноте и значимости межпоколенных отношений в неполных семьях свидетельствуют взаимопомощь и поддержка разных поколений их членов несмотря на раздельное проживание, постоянное общение с родственниками. Структура помощи проживающих отдельно взрослых детей старше 18 лет своим родителям различается (табл. 3). Городские дети из простых и расширенных неполных семей, в первую очередь, оказывают другую, скорее инструментальную, помощь: содействие в освоении новой бытовой техники от компьютеров до смартфонов, в поиске нужной информации, в покупке товаров и оплате услуг по

интернету, эмоционально сопереживают в различных жизненных ситуациях и т. п. Основная же помощь взрослых детей из сельских неполных семей — хозяйственная. Можно полагать, это работа на приусадебном участке, ремонт дома, заготовка дров и пр. Практически в равной мере и те и другие стараются ухаживать за родителями во время болезни, покупают им продукты и вещи, хотя дети из расширенных сельских семей делают это чаще. По сравнению с указанными видами поддержки денежная помощь оказывается значительно реже, что объясняется, по мнению родителей, отсутствием материальных возможностей их детей. Различия всех видов помощи старшему поколению городских и сельских неполных семей разного типа оказались незначительны. (Частотные распределения оценивались на основе критерия Cochran — Mantel — Haenszel.)

Таблица 3

**Помощь проживающих отдельно взрослых ДЕТЕЙ
из городских и сельских неполных семей разного типа
своим РОДИТЕЛЯМ (по данным «КОУЖ 18») (% ответивших)**

Да, ...	Городские		Сельские	
	неполные семьи N = 187	простые расширенные N = 298	неполные семьи N = 129	простые расширенные N = 166
оказываю денежную помощь	27	26	21	31
помогаю по хозяйству	39	33	57	55
покупаю продукты, вещи	25	25	27	36
ухаживаю во время болезни	33	32	34	45
оказываю другую помощь	44	34	41	53

Данные обследования «КОУЖ 18» не позволяют оценить баланс взаимопомощи взрослых детей (18+) и родителей*. Основная помощь родителей из всех типов семей детям до 18 лет — финансовая и материальная: деньги, оплата жилья, продукты и вещи, причем

* В исследовании речь идет о помощи взрослых детей старше 18 лет, проживающих отдельно, своим родителям и о помощи родителями своим детям в возрасте до 18 лет.

помощь сельских родителей весомее. Направленность родительских трансфертов соответствует выявленной ранее тенденции, согласно которой в межсемейных материальных обменах, в первую очередь финансовых, родители чаще выступают как «доноры», а не получатели помощи (Прокофьева, Миронова 2015: 74). Однако ориентация межпоколенной поддержки меняется с изменением потребностей членов семьи, обусловленных стадией жизненного цикла разных ее поколений, и с возможностью оказать эту поддержку.

О значимости межпоколенных отношений для неполных семей также свидетельствует поддержание родственных связей и уход за пожилыми, больными и нетрудоспособными, проживающими в том же домохозяйстве или в другом месте. О частых, раз в неделю встречах с родственниками, наряду с неформальным общением с друзьями и коллегами, сообщили более 80% респондентов городских и сельских неполных семей. В круг ежедневных занятий членов неполных семей входит уход, без оплаты, за другим лицом, нуждающимся в особой помощи. В большинстве расширенных неполных семей, как городских (69%), так и сельских (58%), такие лица проживают в том же месте. Большинство членов простых неполных семей в городе (62%) и на селе (57%) ухаживают за нуждающимися в особой заботе людьми, живущими в другом месте.

Выводы

Итак, анализ эмпирических данных о материальном положении и межпоколенных отношениях неполных и полных семей показал следующее. Доходную часть бюджетов почти четверти этих семей составляют частные трансферты — денежная помощь родных и друзей, однако их доля ниже доли совокупных социальных трансфертов, куда входят пособия, субсидии, компенсации и льготы. Финансовое положение неполных и полных семей практически выравнено и неудовлетворительно. Денежные доходы «не дотягивают» до социально приемлемого потребительского бюджета и уходят в основном на самые необходимые нужды.

Межпоколенные отношения в неполных и полных семьях остаются тесными, о чем свидетельствует их взаимная поддержка. При одинаковой структуре помощи старшему поколению проявились различия в ее оказании со стороны детей из неполных и полных семей. И эти различия оказались высоко достоверны. Дети из неполных семей значительно чаще помогают своим родителям, чем дети, выросшие

с обоими родителями. Полные семьи реже испытывают необходимость в помощи детей, проживающих отдельно. Поддержка младшего поколения со стороны родителей сводится в основном к деньгам, покупке вещей, снабжении продуктами. В межсемейных материальных обменах родители чаще выступают как «доноры», а не получатели помощи, что подтверждает общие закономерности обмена материальными межпоколенными трансфертами. Таким образом, материальное положение неполных и полных семей имеет сходные черты и одинаково недовлестворительно, в межпоколенных же взаимодействиях этих семей проявились различия.

На фоне сложного финансового положения, когда доходы уходят в основном на самые необходимые нужды и трудно справиться с неожиданными тратами, возникшими в связи с болезнью или срочными хозяйственными проблемами, разные поколения членов городских и сельских неполных семей стараются помочь друг другу, поделиться теми ресурсами, которыми они располагают. Структура помощи взрослых детей своим родителям различается. Городские дети из неполных семей разного типа, в первую очередь, оказывают инструментальную помощь, тогда как сельские дети — хозяйственную. Практически в равной мере и те и другие стараются ухаживать за родителями во время болезни, покупают им продукты и вещи. Денежная помощь оказывается значительно реже. Однако различия всех видов помощи поколению родителей неполных семей, как городских и сельских, так и простых и расширенных, оказались недостоверны. Родители являются опорой и молодому, и старшему поколению семьи. Поддержка самых молодых сводится в основном к деньгам, покупке вещей, снабжению продуктами, а также в случае необходимости — помощи с воспитанием внуков, заботе о больных. Поддержкой старшего поколения является ежедневный уход за пожилыми членами семьи, живущими как в том же, так и другом месте, осуществляемый большинством родителей из городских и сельских неполных семей.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о сходстве межпоколенных отношений в городских и сельских неполных семьях разных типов, различия же проходят между неполными и полными семьями. Во взаимодействиях разных поколений семьи большую роль играют контекстуальные факторы — внешние обстоятельства и конкретные ситуации в отношениях ее членов. В настоящее время именно внешние обстоятельства (пандемия) могут привести к перераспределению взаимопомощи в семье.

Источники

Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. — СПб.: Петрополис, 1998. — 272 с.

Гурко Т. А. Родительство: социологические аспекты. — М.: Ин-т социологии РАН, 2003. — URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/gurko_2003.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

Гурко Т. А., Орлова Н. А. Развитие личности подростков в различных типах семей // Социологические исследования. — 2011. — № 10. — С. 99–107.

Дементьева И. Ф. Социальное самочувствие в семье // Социологические исследования. — 2008. — № 9. — С. 102–109.

Дементьева И. Ф. Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // Социологические исследования. — 2001. — № 11. — С. 108–113.

Дудина С. Ю. Межпоколенное взаимодействие в расширенных полных и неполных семьях // Вестн. Костромск. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. — 2012. — Т. 18. — С. 49–52.

Елисеева И. И. Эволюция структуры российских домохозяйств: попытка объяснения // Петербургская социология сегодня. — 2017. — Вып. 7. — С. 216–242.

Захаров С. В., Чурилова Е. В. Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространенности и механизмов его формирования // Мир России. Социология. Этнология. — 2013. — Т. XXII, № 4. — С. 86–117.

Иванова Е. И., Михеева А. Р. Внебрачное материнство в России // Социологические исследования. — 1999. — № 6. — С. 72–76.

Итоги переписи 2010. Т. 6: Число и состав домохозяйств. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-03.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

Комплексное наблюдение условий жизни населения 2018. — URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения: 05.05.2021).

Корчагина И. И., Овчарова Л. Н., Прокофьева Л. М., Бурдяк А. Я., Синявская О. В. Новые меры семейной политики и их влияние на материально-имущественное положение семей с детьми / Отв. ред. О. В. Синявская // Семья в центре социально-демографической политики. — М.: Независимый ин-т соц. политики. — 2009. — С. 127–158.

Леваая Н. А. Социальный статус одиноких матерей в Российском обществе // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. — 2013. — № 5 (31). — С. 60–64.

Лунякова Л. Г. О современном уровне жизни семей одиноких матерей // Социологические исследования. — 2001. — № 8. — С. 86–95.

Любимова А. Д. Российская монородительская семья: основные современные дискурсы // Вестн. Сарат. гос. техн. ун-та. — 2012. — Т. 4, № 1. — С. 240–245.

Миронова А. А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. — 2014. — № 10. — С. 136–142.

Миронова А. Влияние демографических изменений на систему частных межпоколенных трансфертов // Демографическое обозрение. — 2016. — Т. 3, № 3. — С. 80–99. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1747/2470> (дата обращения: 05.05.2021).

Мониторинг доходов и уровня жизни населения России. 2018 / В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина, И. Б. Колманов, Е. В. Одинцова, Е. А. Черных; техн. сост. М. А. Юдина. — М.: ООО «Фабрика офсетной печати», 2019. — 98 с.

Население России 2016: Двадцать четвертый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С. В. Захаров. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 448 с. — URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r16/sod_r.html (дата обращения: 05.05.2021).

Прокофьева Л. М. Роль государственных и частных трансфертов в изменении уровня жизни семей: Мониторинг бедности в Нижегородской области: Итоги международного проекта по исследованию проблем бедности в Нижегородской области // Народонаселение. — 2008. — № 2. — С. 48–59.

Прокофьева Л. М. Семейная структура населения России: тенденции последнего десятилетия // Народонаселение. — 2013. — № 2. — С. 72–84.

Прокофьева Л. М., Рыбальченко С. И. Поддержка семьи, материнства и детства в регионах России // Народонаселение. — 2013. — № 4. — С. 18–28.

Прокофьева Л., Миронова А. Роль межсемейного обмена в системе материальной поддержки и ухода за пожилыми в современной России // Демографическое обозрение. — 2015. — Т. 2, № 3. — С. 71–86. — URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1775/2498> (дата обращения: 05.05.2021).

Сапоровская М. В. Характеристика межпоколенных отношений и взаимодействий в семьях с разной структурной организацией // Сибирск. пед. журнал. — 2012. — № 2. — С. 86–92.

Семья и дети в России: особенности современной жизни и взгляд в будущее: Коллективная монография / Под ред. Л. Н. Овчаровой, Л. М. Прокофьевой. ИСЭПН РАН. — М.: М-Студио, 2009.

Синявская О. В., Гладникова Е. В. Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов между поколениями. // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования: сб. аналит. ст. Вып. 1 / Под науч. ред. Т. М. Малевой и О. В. Синявской; Независимый ин-т соц. политики. — М.: НИСП, 2007. — С. 517–544.

Толокнова С. С. Семьи одиноких матерей: формирование отношений между поколениями // Вестн. Нижегородск. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2010. — № 4 (20). — С. 109–115.

Чурилова Е. В. Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. — 2015. — № 3. — С. 78–81.

Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Социальная защищенность городской монородительской семьи // Мир России. Социология. Этнология. — 2004. — Т. XIII, № 2. — С. 66–95.

References

Churilova Ye. V. Sostav i blagosostoyaniye nepolnykh semey v Rossii [Composition and welfare of incomplete families in Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2015, no. 3, pp. 78–81. (In Russian)

Dement'yeva I. F. Negativnyye faktory vospitaniya detey v nepolnoy sem'ye [Negative factors of raising children in an incomplete family]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2001, no. 11, pp. 108–113. (In Russian)

Dement'yeva I. F. Sotsial'noye samochuvstviye v sem'ye [Social well-being in the family]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2008, no. 9, pp. 102–109. (In Russian)

Dudina S. Yu. Mezhpokolennoye vzaimodeystviye v rasshirennykh polnykh i nepolnykh sem'yakh [Intergenerational interaction in extended complete and incomplete families]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma State University. N. A. Nekrasov], 2012, vol. 18, pp. 49–52. (In Russian)

Eliseeva I. I. Evolyutsiya struktury rossiyskikh domokhozyaystv: popytka ob'yasneniya [Evolution of the structure of Russian households: an attempt to explain]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [St. Petersburg sociology today], 2016, iss. 7, pp. 216–242. (In Russian)

Golod S. I. *Sem'ya i brak: istoriko-sotsiologicheskiy analiz* [Family and marriage: historical and sociological analysis]. Saint Petersburg, Petropolis, 1998, 272 p. (In Russian)

Gurko T. A. *Roditel'stvo: sotsiologicheskiye aspekty* [Parenthood: Sociological Aspects]. Moscow, Institut sotsiologii RAN [Institute of Sociology RAS], 2003. (In Russian)

Gurko T. A., Orlova N. A. Razvitiye lichnosti podrostkov v razlichnykh tipakh semey [Development of the personality of adolescents in different types of families]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2011, no. 10, pp. 99–107. (In Russian)

Itogi perepisi 2010 [Results of the 2010 census]. Vol. 6. Chislo i sostav domokhozyaystv [Number and composition of households]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-03.pdf.

Ivanova Ye. I., Mikheyeva A. R. Vnebrachnoye materinstvo v Rossii [Extramarital motherhood in Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 1999, no. 6, pp. 72–76.

Kompleksnoye nablyudeniye usloviy zhizni naseleniya [Comprehensive monitoring of living conditions of the population]. 2018. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html. (In Russian)

Korchagina I. I., Ovcharova L. N., Prokof'yeva L. M., Burdyak A. Yu., Sinyavskaya O. V. Novyye mery semeynoy politiki i ikh vliyaniye na material'no-imushchestvennoye polozheniye semey s det'mi [New measures of family policy and their impact on the material and property situation of families with children]. *Sem'ya v tsentre sotsial'no-demograficheskoy politiki* [Family in the center of socio-demographic policy]. Executive editor O. V. Sinyavskaya. Moscow, NISP [Independent Institute for Social Policy], 2009, pp. 127–158. (In Russian)

Levaya H. A. Sotsial'nyy status odinokikh materey v Rossiyskom obshchestve [Social status of single mothers in Russian society]. *Obrazovaniye. Nauka. Innovatsii: Yuzhnoye izmereniye* [Education. The science. Innovation: Southern Dimension], 2013, no. 5 (31), pp. 60–64. (In Russian)

Lunyakova L. G. O sovremennom urovne zhizni semey odinokikh materey [On the modern standard of living of families of single mothers]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2001, no. 8, pp. 86–95. (In Russian)

Lyubimova A. D. Rossiyskaya monoroditel'skaya sem'ya: osnovnyye sovremennyye diskursy [Russian single-parent family: main modern discourses]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Technical University], 2012, vol. 4 (1), pp. 240–245. (In Russian)

Mironova A. A. Rodstvennaya mezhpokolennaya solidarnost' v Rossii [Related intergenerational solidarity in Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2014, no. 10, pp. 136–142. (In Russian)

Mironova A. Vliyaniye demograficheskikh izmeneniy na sistemu chastnykh mezhpokolennykh transfertov [Impact of demographic changes on the system of private intergenerational transfers]. *Demograficheskoye obozreniye* [Demographic Review], 2016, vol. 3 (3), pp. 80–99. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1747/2470>. (In Russian)

Monitoring dokhodov i urovnya zhizni naseleniya Rossii 2018 [Monitoring of incomes and living standards of the population of Russia 2018]. V. N. Bobkov, A. A. Gulyugina, I. B. Kolmanov, Ye. V. Odintsova, Ye. A. Chernykh; tech. compiled by M. A. Yudina. Moscow, OOO "Fabrika ofsetnoy pechati" [Offset Printing Factory], 2019, 98 p. (In Russian)

Naseleniye Rossii 2016. Dvadsat' chetvertyy yezhegodnyy demograficheskyy doklad [Population of Russia 2016 Twenty-fourth annual demographic report]. Executive editor S. V. Zakharov. Moscow, Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki [Ed. house of the Higher School of Economics], 2018, 448 p. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r16/sod_r.html. (In Russian)

Prokof'yeva L. M. Rol' gosudarstvennykh i chastnykh transfertov v izmenenii urovnya zhizni semey: Monitoring bednosti v Nizhegorodskoy oblasti: Itogi mezhdunarodnogo proyekta po issledovaniyu problem bednosti v Nizhegorodskoy oblasti [The Role of Public and Private Transfers in Changing the Living Standards of Families: Monitoring Poverty in the Nizhny Novgorod Region: Outcomes of an International Project to Research Poverty Problems in the Nizhny Novgorod Region]. *Narodonaseleniye* [Population], 2008, no. 2, pp. 48–59. (In Russian)

Prokof'yeva L. M. Semeynaya struktura naseleniya Rossii: tendentsii poslednego desyatiletiya [Family structure of the population of Russia: trends of the last decade]. *Narodonaseleniye* [Population], 2013, no. 2, pp. 72–84. (In Russian)

Prokof'yeva L. M., Rybal'chenko S. I. Podderzhka sem'i, materinstva i detstva v regionakh Rossii [Support for family, motherhood and childhood in the regions of Russia]. *Narodonaseleniye* [Population], 2013, no. 4, pp. 18–28. (In Russian)

Prokof'yeva L., Mironova A. Rol' mezhsmeynogo obmena v sisteme material'noy podderzhki i ukhoda za pozhilymi v sovremennoy Rossii [The role of interfamily exchange in the system of material support and care for the elderly in modern Russia]. *Demograficheskoye obozreniye* [Demographic Review], 2015, vol. 2 (3), pp. 71–86. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1775/2498>. (In Russian)

Saporovskaya M. V. Kharakteristika mezhpokolennykh otноsheniy i vzaimodeystviy v sem'yakh s raznoy strukturnoy organizatsiyey [Characteristics of intergenerational relationships and interactions in families with different structural organization]. *Sibirskiy pedagogicheskyy zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 2012, no. 2, pp. 86–92. (In Russian)

Sem'ya i deti v Rossii: osobennosti sovremennoy zhizni i vzglyad v budushcheye: Kollektivnaya monografiya [Family and children in Russia: features of modern life and a look into the future: Collective monograph]. Ed. L. N. Ovcharovoy & L. M. Prokof'yevoy. ISEPN. RAS. Moscow, M-Studio, 2009. (In Russian)

Sinyavskaya O. V., Gladnikova Ye. V. Vzroslyye deti i ikh roditeli: intensivnost' kontaktov mezhdru pokoleniyami [Adult children and their parents: the intensity of contacts between generations]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'ye i obshchestve. Po materialam odnogo issledovaniya. Sbornik analiticheskikh statey. Vypusk 1* [Parents and children, men

and women in the family and society. Based on materials from one study: Sat. analyte. Art. Issue 1]. Under scientific. ed. T. M. Malevoy, O. V. Sinyavskoy. Moscow, NISP [Independent Institute of Social Policy], 2007, pp. 517–544. (In Russian)

Toloknova S. S. Sem'i odinokikh materey: formirovaniye otnosheniy mezhdru pokoleniyami [Families of single mothers: the formation of relations between generations]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nyye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Series Social Sciences], 2010, no. 4 (20), pp. 109–115. (In Russian)

Yarskaya-Smirnova Ye. R., Romanov P. V. Sotsial'naya zashchishchennost' gorodskoy monoroditel'skoy sem'i [Social security of the urban monoparent family]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 2004, vol. XIII, no. 2, pp. 66–95. (In Russian)

Zakharov S. V., Churilova Ye. V. Fenomen odinokogo materinstva v Rossii: statistiko-demograficheskiy analiz rasprostranennosti i mekhanizmov yego formirovaniya [The phenomenon of lonely motherhood in Russia: statistical and demographic analysis of the prevalence and mechanisms of its formation]. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 2013, vol. XXII (4), pp. 86–117. (In Russian)

Бурмыкина Ольга Николаевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

Burmykina Olga N., PhD in Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation.

o_burmykina@mail.ru

А. Г. Щёлкин

МОЛОДОСТЬ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ: «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЮНОСТИ»

Тема детства и юности продолжает оставаться в зоне социологического внимания. Открываются те характеристики этого феномена, которые по причине их фундаментального значения могут быть названы «экзистенциальными», а еще лучше, «онтологическими». Вместе с тем когнитивный аппарат, с которым мы подходим к «детству/юности», не всегда схватывает эти замечательные характеристики. Этот вывод проверяется в статье на материале книги воспоминаний и размышлений «Энциклопедия юности» (Эпштейн, Юрьенен 2017). В частности, критически разбирается мнение проф. Дм. Шалина (Университет штата Невада) относительно «Энциклопедии юности». По ходу дискуссии высказаны принципиальные соображения относительно социологической значимости «феномена юности» в обществе.

Ключевые слова: «эго-документы», онтологические черты юности, микро-социология Ир. Гоффмана, человек как *speculum mundi*.

ALEXANDER G. SHCHELKIN

ABOUT “THE ENCYCLOPEDIA OF YOUTH”

The topic of childhood and adolescence continues to remain in the area of sociological attention. Along the way, those characteristics of this phenomenon are revealed, which, due to their fundamental significance, can be called “existential”, and even better, “ontological”. However, the cognitive apparatus with which we approach childhood/adolescence does not always capture these remarkable characteristics. This conclusion is tested on the material of the book of memoirs and reflections “The Encyclopedia of Youth” (Epstein, Yurienen, 2017). In particular, the opinion of prof. Dm. Shalin (University of Nevada) on the book of memoirs “Encyclopedia of Youth” is critically examined. In the course of this discussion, principled considerations have been made regarding the sociological significance of the “phenomenon of youth” in society.

Keywords: “ego-documents”, ontological features of youth, Erving Goffman’s microsociology, man as *speculum mundi*.

Юность в зеркале самоанализа и научной рефлексии

В 2017 г. в России вышла необычная энциклопедия — «Энциклопедия юности» (Эпштейн, Юрьенен, 2017). Ее необычность состоит в том, что перед нами не академический справочник в собственном смысле слова, а коллекция материалов в виде дневниковых записей писателя Сергея Юрьенена и филолога и философа Михаила Эпштейна. Представленные дневники охватывают период с 1967 по 1974 г. Записи скомпонованы двумя авторами, действительно, в формате «энциклопедии», в которой представлены в алфавитном порядке от «Абсолют» до «Я» 120 исповедальных эго-документов, автобиографических зарисовок о самых жгучих волнениях и размышлениях, сопровождающих их юность. Или, как пишут издатели этого сочинения: «Книга погружает в мир юношеских увлечений и сомнений, творческих порывов, любовных терзаний, общественных страхов, экзистенциальных и профессиональных вопрошаний. Вместе с тем это опыт лирической культурологии: подробно рассматривается исторический и бытовой контекст эпохи, переходящей от «оттепели» к «застоя», университетская и литературная среда, студенческие нравы, перемены в общественном сознании; даются колоритные портреты современников — писателей, ученых, профессоров МГУ. Это диалог сверстников, говорящих ИЗ юности — и одновременно О ней, в перспективе последующего жизненного опыта» (Эпштейн, Юрьенен 2017).

Работа М. Эпштейна и С. Юрьенена привлекла заслуженное внимание социологов. Особенно тех, кто работает сегодня в жанре автобиографического дискурса. Среди откликнувшихся на «Энциклопедию юности» я бы отметил Дм. Шалина, работающего в Университете штата Невада (США) и который давно зарекомендовал себя как специалист по такому направлению, которое проф. Шалин сам называет «биокритической герменевтикой». Слово «био» не должно вводить в заблуждение: сам автор предложенной парадигмы под словом «био» понимает «жизнь» в смысле, какой в него вкладывали древние греки. Это и биография, и биология, и не/вербальное поведение — все, что имеет отношение к существованию человека. Чтение работ этого направления всегда доставляет интеллектуальное удовольствие хотя бы уже потому, что «биокритическая герменевтика» у проф. Шалина освещена интеллектуальным блеском таких имен, как Августин Блаженный, М. Монтень, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Ницше, У. Джеймс, Ир. Гофман и др.

В указанном подходе всегда импонирует возможность / перспектива реконструирования (в том или ином варианте) социальной реальности не только и не столько с привычной для нас «позиции третьего лица», но

и с позиции «Я», т. е. «первого лица». «Профессор, снимите очки-велосипед. Я сам расскажу о времени и о себе» (Вл. Маяковский). Проблема эта для социологии старая, не до конца осмысленная и потому еще полностью не решенная. Вопросом этим, я знаю, дорожил покойный И. С. Кон и часто поднимал его в конце 1960-х.

Casus Ир. Гофмана

Конечно, дело не в том, что суждения от «первого лица» скорее суть сугубо *субъективны*, а «от третьего» — имеют претензию на *объективность*. Те и другие *могут* страдать от откровенного «субъективизма» и несоответствия действительности. Значит, единственное и общее требование к суждениям (предложениям) того и другого типа — это их адекватность отражаемой реальности. Для суждений с «позиций третьего лица» — а именно это случай «дискурса науки» — это не удивительно, потому что это главное требование ко всякому знанию. А вот с суждениями «от первого лица», если придерживаться критерия истинности знания, сразу возникает вопрос: адекватность чему должны удовлетворять «эго-документы» — дневники, исповеди, воспоминания? На первый взгляд, вроде бы тоже ясно: эти «эго-документы» должны не вводить нас в заблуждение, т. е. говорить правду о том, о чем повествует автор дневников, исповедей, воспоминаний. Однако это условие трудно-выполнимо. «Все врут календари» Ир. Гофмана доказывает, что человек в «самоаттестациях» всегда обречен на уловки и обманы. Именно так с пользой для себя люди «подают» себя другим. Вклад американского ученого в эту проблему состоит в том, что он предлагает социологически наблюдать технику обхода этих «уловок и обмана», разоблачения этого «камуфляжа» (Гофман, 2000). С этих позиций проф. Шалин и подошел к «автобиографиям» двух авторов «Энциклопедии юности».

Но можно ли считать большим успехом в анализе «эго-документов» идею и технику разоблачения «потемкинских деревень», что, собственно, и предлагает Ир. Гофман? Конечно, сам по себе этот подход важен. Он восстанавливает право на истинность того, о чем говорится «от первого лица». Даже можно сказать больше — истинность «первого лица». Но если согласимся с Ир. Гофманом, что в «представлениях себя другим» «уловки и обманы» суть постоянное и неизбежное явление и образуют некие предпосылки, без которых не осуществляются реальные действия социальных персонажей, то спрашивается, в чем социологическая ценность таких «разоблачений»? Если Ир. Гофман признаёт, что люди подают себя не теми, чем они являются на самом деле (как актеры, которые

играют не себя, а роли), и что эта практика, мол, «тривиальна и очень распространена» и «и встречается в социальной жизни на каждом шагу», то опять же социологическим открытием это будет не больше, чем суждение, что «Волга впадает в Каспийское море». Можно и вообще добавить, что мысль о значении обмана других и самого себя в делах человеческих — совсем не новая мысль. Известно, что Ф. Ницше был полностью убежден, что для жизни нужно неправильное понимание жизни.

Предшественники

Мировая художественная литература, например, знает об этом явлении давно. Не будет преувеличением сказать, что это — ее конек, на котором построена морально-эстетическая интрига в произведениях великих писателей. В этом смысле социология Ир. Гофмана едва ли является пионерским открытием данной темы, если не считать разработанный научный аппарат, как исследователю не попадаться на эти пресловутые «уловки и обманы», равно как и тот факт, что социология остается этически нейтральной, безоценочной, т. е., находится по «ту сторону добра и зла». Писатель не может позволить себе такую роскошь. Нравственная дилемма «быть» или «казаться» для него не менее важна, чем искусство психологической проницательности в наблюдаемое лицедейство.

Короткий отрывок из «Неточки Незвановой» Ф. Достоевского как-то сразу приходит на ум. Приемный ребенок тайно наблюдает, как отчим перед зеркалом напускает на себя «другое лицо», прежде чем войти в покои своей жены. (Оказывается, эта недостойная «игра» продолжается уже продолжительное время.) Сцена перед зеркалом открывает глаза Неточке и вызывает у нее бурную реакцию. «Он [отчим] остановился перед зеркалом, и я вздрогнула от какого-то неопределенного, недетского чувства. Мне показалось, что он как будто переделывает свое лицо. По крайней мере, я видела ясно улыбку на лице его перед тем, как он подходил к зеркалу; я видела смех, чего прежде никогда от него не видала, потому что... он никогда не смеялся перед Александрой Михайловной. Вдруг, едва только он успел взглянуть в зеркало, лицо его совсем изменилось. Улыбка исчезла как по приказу, и на место ее какое-то горькое чувство... искривило его губы, какая-то судорожная боль нагнала морщины на лоб его и сдавила ему брови... Он в один миг, как будто по команде, стал совсем другим человеком. Он думал, что он один, и остановился перед этим же зеркалом. Как и тогда, я с враждебным, неприятным чувством очутилась с ним вместе... И в ответ на эту несчастную песню я разразилась таким смехом, что бедный певец

вскрикнул, отскочил два шага от зеркала и, бледный как смерть, как бесславно пойманный с поличным, глядел на меня в исступлении от ужаса... Я отвечала ему нервным, истерическим смехом прямо в глаза, прошла смеясь мимо него и вошла, не переставая хохотать, к Александре Михайловне» (Достоевский, 1985).

Психоанализ З. Фрейда тоже ровно об этом. В чем-то Фрейд пошел даже еще дальше, точнее, глубже. В работе 1894 г. он открывает механизм превратной подачи человеком своего «Я»... перед собой, говоря, механизм «самообмана», который для внешнего наблюдателя становится очевидным только через знаменитые «оговорки по Фрейду» — оговорки, которые время от времени проскальзывают у «самообманщика».

Современность и история в нашем повседневном «Я»

А теперь вновь зададимся вопросом: в случае с «эго-документами» (исповеди, воспоминания, дневники), что дает нам «технология разоблачений» у Ир. Гофмана? Дает, в общем-то, то, что и так вроде бы было известно — «Все врут календари». Делая поправку («триангуляцию», по выражению Дм. Шалина), мы действительно можем ответить на один-единственный вопрос, насколько читаемое в «эго-текстах» соответствует / не соответствует персональным фактам этих эго-биографий. В самом деле, рассматривая книгу «Энциклопедия юности» в гофмановских терминах, т. е. насколько авторы «эго-документов» отклонились в своих дневниках от истины в угоду своему «самолюбию» и прочим аналогичным мотивам, надо признать, что мы здесь продолжаем явно оставаться в узком, герметическом пространстве указанных субъективных мотивов у юных героев. И это приносит не столь уж большие научные дивиденды в сравнении с тем результатом, который мы можем получить, если поставим вопрос по-другому.

Речь идет о том вопросе, который всегда был важен в большой научной и художественной литературе: насколько наше повседневное «Я» является отражением сопутствующей Современности и сопровождающей нас Истории; насколько наше «малое сознание» родственно «большому сознанию» Эпохи. Иначе говоря, одно дело, соответствует ли наше «Я», так сказать, самому себе, и совсем другой вопрос, как наша личная биография выглядит в контексте «императивов» *Zeitgeist*, «духа времени». В последнем случае «разоблачительный» пафос школы Ир. Гофмана в отношении повседневного поведения индивида не выходит за рамки масштабности микросоциологии, в то время как «эго-документы»

(включая в себя в этом случае и «глубинные интервью») способны дать нам намного больше — социологическую панораму «от первого лица». По этому поводу российский социолог О. Божков настаивает: «Социолог не следователь, его задачей не может и не должно стать уличение (изобличения) информанта в искажении фактов, в сознательном или бессознательном обмане (а биографические данные чаще всего искажаются именно бессознательно)... Для социологического анализа наиболее актуальна постановка вопроса не о различиях между реальной жизнью и рассказами о жизни, а о соотношении событий индивидуальной жизни с событиями историческими или с жизнью общества» (Божков 2001).

Итак, если мы повторим, что ценность и социальная значимость автобиографии обнаруживается тогда, когда она (автобиография) является отражением не просто жизни авторского «Я», но отражением «эпохи» и «среды обитания» субъекта автобиографии, то это, однако, не освобождает от хрестоматийного вопроса: «А собственно, ПОЧЕМУ?»

О природе человеческого «Я»

Да потому что, как оказывается, человеческое «Я» и объективно, т. е. когда оно воспринимается «третьим лицом», и субъективно, когда оно само подается автором этого «Я», — оказывается, не сводится к самому себе, не равно самому себе; оно всегда больше этого «эмпирического Я».

Об этом же можно сказать и чуть иначе. «Эмпирическое Я» не всегда равняется полноценной человеческой сущности. Человек начинается не с «явления», а с «сущности», т. е. когда «явление» в своем бытии, в своей онтологии достигает своей «сущности». «Вещи нет, когда она начинается» (Г. В. Ф. Гегель). Можно привести огромный арсенал свидетельств мировой гуманистической и философской мысли, предупреждающей о неадекватности «Я субъективного», сосредоточенного на самом себе, тому «объективному Я», которое открыто действительному порядку вещей.

Известно, что мысль о подозрительном негативе «суверенного Я» пронизывает духовную традицию древнего Востока: «Если что и мешало мне всю жизнь, так это — мое Я» (Лао-дзы). «Ищи луну не в луже, а на небе» (Лао-дзы). «Нарциссизм» не был в почете и в западной классической традиции. Здесь мы тоже наблюдаем сомнение в «самореферентности» как точке отсчета. В подлинной самоидентификации «Я» постоянно присутствует отсылка на «не-Я», на то, что большее, чем «Я».

«И в просвещении стать с веком наравне» (*А. Пушкин*).

«Попытайся выполнить свой долг, и ты узнаешь, что в тебе есть.

Но что такое долг? Требование дня» (*И. В. Гёте*).

«Личность — индивидуально выраженное всеобщее» (*Э. Ильенко*).

«Превосходство греков над всеми другими народами состоит в том, что у них все свое [...] отличалось характером общечеловеческим» (*В. Белинский*).

«Я весь не помещаюсь между своей шляпой и башмаками» (*У. Уитмен*).

«Человек до сих пор лучше того мира, в котором он живет» (*М. Хоркхаймер*).

«Сущность человека в том, что он ЧЕЛО ВЕКА» (*А. Белый*).

Сошлюсь на литературный опыт Ивана Бунина. Конечно, воспроизведение писателем внутреннего мира своих героев и интерпретация социологом эго-документов отдельного человека — это далеко не одно и то же. Действительно, все аналогии хромают. Но читатель, однако, может сам решить, насколько здесь уместна ссылка на «случай Бунина».

В 1916 году Бунин пишет рассказ «Сны Чанга». Он начинается с неожиданной, обескураживающей фразы «Не все ли равно, про кого говорить? Заслуживает того каждый из живших на земле». Конечно, Иван Бунин — маститый писатель, и способность описать любой персонаж для него это как вызов его творческой натуре. Известно немало крупных писателей, которые принимали этот вызов и живописали мир даже глазами животных — собаки, волка, лошади. Но у того же Бунина есть другой рассказ «Древний человек», написанный ранее, в 1911 г. К этому рассказу не применимы слова самого же писателя, которыми начинаются «Сны Чанга»: «Не все ли равно, про кого говорить?» В «Древнем человеке» Бунин стоит на высоте сущностного, онтологического.

Сельский учитель идет в деревню, где живет, точнее, доживает свой век под тяжестью издевательств и попреков своей снохи местная «знаменитость» — 108-летний Таганок. Старик в здравом уме и твердой памяти. Вот уже много лет с наступлением тепла он сам, чтобы не обременять многолюдную родню, переселяется из избы за огородное поле в шалашеподобную пристройку. «Все старики играют, притворяются чересчур старыми. Таганок не играет. Он нечеловечески прост. Учитель, как всегда, не спускает с него глаз; его волнуют странные мысли: подумать только — при Таганке прошел один из самых замечательных веков! Сколько было за этот век переворотов, открытий, войн, революций, сколько жило,

славилось и умерло великих людей! А он даже малейшего понятия не имел никогда обо всем этом. Целых сто лет видел он только вот эти конопляники да думал о корме для скотины! И сидит он так смиренно, так неподвижно... Весь он в забвении, в мире своих далеких воспоминаний. Что же это за воспоминания? Часто охватывает страх и боль, что вот-вот разобьет смерть этот драгоценный сосуд огромного прошлого. Хочется поглубже заглянуть в этот сосуд, узнать все его тайны, сокровища. Но он пуст, пуст! Мысли, воспоминания Таганка так поразительно просты, так несложны, что порою теряешься; человек ли перед тобой? Он разумный, милый, добрый. Следовало бы с благодарностью поцеловать его руку за то, что явил он нам, воплотив себе редкое благословение неба. Но — человек ли он?» Вопрос почти социологический. И явно относится не к Таганку, герою буинского рассказа.

Небольшое методологическое отступление

Вышеприведенные примеры показывают, что художественное и философское сознание неплохо чувствовало, в чем состоит природа «феномена человека» и где искать «топологию» этой сущности. А что социология и другие гуманитарные науки? С самого начала им эта тема давалась нелегко. В конце XIX в. В. Виндельбанд и Г. Риккерт, например, выдвинули концепцию, что к объектам этих наук относятся вещи сугубо «индивидуальные», «неповторимые», «идиоматические».

Точности ради, надо сказать, что диалектический подход к «индивидуальному», «идиоматическому» именно с опорой на эвристический потенциал «типологического», «номотетического» подхода не однажды встречал в сопротивление в лице «альтернативных» методологий и парадигм. В конце XIX в. В. Виндельбанд и Г. Риккерт просто развели эти подходы по разным «цехам»: соответственно по линии исторических / социальных наук и по линии естественных наук. Успеха попытка не имела. Последователей не нашлось. А там, где социологи поддавались «идиографическому» соблазну, по существу, бросался вызов социологии как науке, ибо всякая наука рассматривает явление как таковое с точки зрения его сущности, закона, номы этой вещи, значит, номатической точки зрения.

Новейшая попытка сосредоточиться на социальных фактах (не путать с «социальными фактами» Э. Дюркгейма!) как на исключительно «локальных», «одноразовых», «уникальных» феноменах повторяется уже сегодня в эпоху постмодернизма. Примечательный факт: словно для того, чтобы не быть обвиненным в отступничестве от науки как «эпистемологического института», энтузиасты постмодернистского

видения мира прибегают к изящным эвфемизмам и софизмам: в результате чего наука стала «постнаукой», истина — «постистиной», действительность — «плюрализмом виртуальностей», современность — «множеством симультанностей» и т. д. В этом плане средневековый спор «реалистов» и «номиналистов» о природе и топосе «универсалий» выглядит гораздо глубокомысленней, чем заявления Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делёза и др. постмодернистов, выступающих с позиций противников категорий «всеобщего», «универсального», «онтологического», «сущностного» и т. д. Во всяком случае, ни «реалисты», ни «номиналисты» не лишали человеческое познание того преимущества, которое приобрелось строгой мыслью с помощью категории «универсального».

С точки зрения онтологической парадигмы

Известно, что М. Хайдеггер одним из первых заметил эту «мутную» нестрогость новейшего европейского мышления и назвал ее «онтологическим нигилизмом», последствия которого сегодня достаточно очевидны и едва ли приемлемы. Вот почему ограничивать *трансцендентную* природу человека, природу человеческого Я его собственной *имманентностью* — это то, что, прибегая к традиционному выражению, называется *ressatum contranaturam*. Любопытно, что проф. Шалин, написавший с гофмановских позиций большую статью-рецензию «Методологические размышления об „Энциклопедии Юности“ М. Эпштейна и С. Юрьенена в разрезе биокритической герменевтики» (Shalin, 2020) в определенном смысле вынужден как будто бы идти против собственных принципов. В частности, он рассматривает дневники двух молодых людей, в том числе и совсем не в гофмановских терминах. Дм. Шалин отмечает, безусловно, важный факт: эти юношеские дневники писались «в ключевой момент российской истории». Речь идет о периоде с 1967 по 1974 г. Здесь проф. Шалин, указывая на данное «обстоятельство *времени*», возможно, как раз и хотел подчеркнуть, насколько это ВРЕМЯ вошло в «органическое строение» дневниковых воспоминаний. Это можно оценить как выход в макросоциологию из узких масштабов микросоциологии Ир. Гофмана. И это уже интереснее. Но здесь я бы хотел, как говорится, «придраться». Дело в том, что назвать этот период «ключевым» я бы затруднился по одной простой причине. Думаю, что указанные дневники отражают не столько большой и значимый «социальный факт» (в духе Э. Дюркгейма), а скорее личный драматизм авторов этих «эго-документов».

Сам же период 1967–1974 гг. едва ли был «ключевым моментом» российской истории. И причина очень, к сожалению, простая.

Этот «ключевой момент» российской истории, начиная с октября 1917 г., так до сих пор еще и не наступил. «Радикальная» (в смысле коренная) противоположность и перспектива для советского коммунизма — по-настоящему и в реальности — выглядит достаточно безальтернативно: это его декоммунизация. Но таковой не была ни самоловушка хрущевской «оттепели», ни тем более брежневский застой. Судьба «перестройки» — из той же серии. Не стала «сменой вех» и демократическая революция 1991 г., так и не изменившая ни массовой политической психологии, ни умонастроений во «властвующей элите». «Ключевые моменты российской истории» как всегда перенесены в будущее. «Дневники» и «эго-хроники» этого будущего или только пишутся, или еще ждут своих авторов.

Тогда на отражение чего или сопротивление чему были обречены два юных героя из «Энциклопедии юности»?

Время застоя «геронтократов», на которое выпала их юность, отразилось, хотя и при полном понимании несовременности советской «современности», совсем не в тираноборческих мыслях и решениях. Фактически приходилось просто планировать свою «автобиографию» за пределами страны. В эмиграцию уезжали «насовсем»: конца коммунизма на родине не было видно.

По-видимому, этот момент приходится учитывать при реконструкции «эмигрантского сознания» как индивидуальную «реакцию» на коммунизм, как «свободу от» коммунизма. Притом что сверхзадача реконструктора могла бы состоять и в том, чтобы ответить на вопрос более универсального порядка: насколько в непосредственном эмигрантском сознании присутствовала (или отсутствовала) мысль о том, что природа «советского коммунизма» несовместима с природой не только эмигрирующего индивида, но и всякого человека, особенно и даже если последний об этом просто не ведает. Надо полагать, что при данном подходе исследователь мог бы оставаться в рамках большей методологической непогрешимости. Иначе говоря, в норме человек отражает не только самое себя (малое сознание), но и то, что выходит за эту непосредственность (большое сознание). Собственно с этого и начиналась вся предшествующая часть предлагаемых рассуждений: человек как «зеркало мира», *speculum mundi*.

Сразу приходится сказать, что это *speculum mundi* не есть некий прихотливый, т. е. желаемый, но необязательный, как вишенка на торте, элемент «феномена человека». Речь идет именно о нечто онтологическом: *speculum mundi* — это не столько роковое, сколько судьбоносное. Без него трудно говорить о состоятельности и полноценности человеческого

индивида как такового, как отдельного, автономного, самостоятельного существа. Если человек ведет свое существование не за счет приобщения к «номотетическому», развертывания «общечеловеческого», а уж тем более если он утрачивает потенциал «типового», «родового», «социального» содержания и в этой утрате приобретает лишь существование «повседневного», «частного/частичного», сугубо «идиоматического» субъекта, то мы имеем дело с «не-социальным» явлением. (Вспомним, у Э. Дюркгейма не все «факты» в обществе суть «социальные факты», некоторые из них сугубо «индивидуальные» и не имеют «социального значения».) Впрочем, можно выразиться и не так категорично: мы имеем дело в этом случае, так сказать, с «усеченным» феноменом человека. У древних греков было одно важное понятие, не совпадающее, на первый взгляд, с его сегодняшним смыслом. Это понятие «идиот». (Буквально с др.-греч. ἰδιώτης — «отдельный человек, частное лицо; несведущий человек».) Идиот — в Древней Греции гражданин полиса, живущий в отрыве от общественной жизни, не участвующий в общем собрании граждан полиса и иных формах государственной и общественной жизни. Сегодняшнее медицинское значение этого термина, так сказать, с неожиданной стороны подчеркивает все тот же казус человека, не разделяющего с остальными общего «жизненного мира» и своим поведением манифестирующего только самое себя, или, что то же самое, демонстрирующего свою принадлежность не столько к культуре и цивилизации, сколько к тому, что обозначают обычно «обывательско-повседневной жизнью» или, как назвал этот «случай» один философ с вполне надежной репутацией, «духовное царство животных».

«Энциклопедия юности»: двойное впечатление

Как уже говорилось, проф. Шалин взглянул на «Энциклопедию юности» глазами Ир. Гофмана и нашел это сочинение ряда достойных исследовательских замечаний. Однако поскольку гофмановская интерпретация человеческой повседневности имеет свои ограничения, то за пределами внимания у Дм. Шалина остались те характеристики юности, которые демонстрируют авторы в своей «Энциклопедии...» и которые (характеристики) правомочно назвать «сущностными» или «онтологическими».

В самом деле, сегодняшняя социология юности буквально утонула в постмодернистском «плюрализме» и «равнозначности» многочисленных молодежных практик и ментальных ориентаций без выделения среди них «подлинных» и «принципиальных». Тем более отранно,

что один из авторов «Энциклопедии юности», М. Эпштейн, в своих размышлениях продемонстрировал самый настоящий антипост-модернистский пафос, мимо которого прошел проф. Шалин, рецензируя «эго-энциклопедию» эксклюзивно с позиций школы Ир. Гофмана. Речь идет о двух заметках М. Эпштейна «Абсурд» и «Абсолютное», и обе они достойны упоминания практически без комментариев, настолько они прозрачны, актуальны и нехарактерны для «оттепелевской» вольницы и «либерализма» тех лет, а значит, актуальны в наше постмодернистское послевкусие.

Начнем с главного признания, с «Абсолюта». М. Эпштейн пишет: «Уже в ранней юности, если не в позднем отрочестве, я определил себя как абсолютиста — вопреки релятивизму и скептицизму. Это означало, что есть нечто высшее, к чему стоит стремиться. Есть движение, путь, надежда на обретение Главного, а не метание от одной точки зрения к другой, причем все они равно обманчивы и ненадежны». За этим экзистенциальным признанием следует принципиальное, сущностное разъяснение: «Абсолют, как ни странно, не исключал для меня ни либерализма, ни плюрализма, т. е. ценностей свободы и различия. Собственно, Абсолют образован от лат. *absolvere*, означающего „освободить“, „отпустить на волю“. Для меня в Абсолюте была важна его воздушная тяга, сила освобождения от всех идолов и зависимостей: политических, экономических, теологических, лингвистических. Это был для меня даже не столько строгий господин Абсолют, высший, непоколебимый принцип, — сколько прекрасная госпожа Абсолюция, динамика освобождения. Для меня это означало: интеллектуальное бескорыстие, любовь к мысли ради нее самой; верховенство человечества над всеми национальными и конфессиональными делениями; поиск единой, всеобъемлющей веры, которая сближала бы всех людей; профессиональная открытость любым фактам и выводам; уверенность в том, что самое драгоценное — это личность и то, что отличает ее от всех других; настроенность на любовь и чувство всегдашней ее нехватки...» (Эпштейн, Юрьенен 2017).

Видно невооруженным глазом, что автор с «младых ногтей» обрел позицию достойную и непоколебимую, позволяющую ему адекватно и даже снисходительно относиться ко всем ментальным импровизациям и произвольностям нашего «постсовременного» мира. Но автор-то жил не в «постмодернистскую», а в «советскую» эпоху, когда постмодернизмом с его релятивизмом и презрением к абсолютному еще и не пахло. В этом смысле молодой М. Эпштейн оказался этически и интеллектуально готовым к сопротивлению не только «застою» на родине, но и сегодняшней постмодернистской акультуре в мире.

Интересно проследить, кому и чему юный современник 1960–70-х гг. обязан нормам, установкам, «фреймам» классической культуры. «Был еще и абсолют этический. Стать хорошим человеком. Задача [...] была настолько сложна, что проекту первого романа я дал название уступчиво-снихождительное: „Иногда хороший человек“ [...] Внутри него был и другой — мечта (которую, кстати, я еще не пережил) о произведении абсолютном. Так я воспринимал обращенный ведь и ко мне призыв Федора Михайловича, желавшего русскому юношеству возвыситься духом: „Формулируйте ваш идеал!“ В том укреплял и Лев Николаевич, сделавший для наглядности незабываемо-корявый рисунок в Дневнике: при переплыве реки бери повыше, все равно снесет» (Эпштейн, Юрьенен 2017). К этому же стоит только добавить, что обычно диссидентствующее сознание творческой молодежи того времени черпало вдохновение из других источников: в живописи — в работах М. Шагала, П. Пикассо, С. Дали и проч., в литературе — в творчестве Э.-М. Ремарка, Э. Хемингуэя, Ф. Кафки и др., в философии — в основном у отечественных писателей религиозного толка, чаще всего это Н. Бердяев и В. Розанов.

В том же ряду упущенных из виду и не привлеченных к анализу со стороны проф. Шалина можно считать и другие характеристики (скорее, нехарактерные для ищущего поколения 1960–70-х, но важные для реконструкции «случая М. Эпштейна»). Таковым можно считать отношение этого персонажа к литературе и философии *абсурда*. «„Абсурд“ было модным понятием нашей юности, [проникшим] к нам через железный занавес веяния экзистенциализма. Камю, миф о Сизифе. Сартр, бытие и ничто. Конечно, в нашей железобетонной реальности даже „абсурд“ был спасением: в теплоте бессмыслицы можно было согреться от холода всепланирующего рассудка... Сизифов труд приводится у А. Камю как образ вселенского абсурда: Сизиф вкатывает камень на гору, а тот всякий раз скатывается, и такова вся человеческая жизнь: тщетная страсть, или абсурд, достойным ответом на который может быть только самоубийство. Но вспомним, что Сизиф был разбойником и отчаянным пройдохой, по преданию, одурачивший даже богов... Таким образом, „сизифов труд“ как воплощение абсурда — это, на самом деле, парадокс: тот, кто обманывал других, теперь сам обманывается» (Эпштейн, Юрьенен 2017).

Почему проф. Шалин оставляет без внимания эти опорные точки интеллектуальной биографии М. Эпштейна, которые сделали последнего готовым к критической позиции по отношению к постмодернистскому обвалу последующих лет? Думаю, что причина все та же — излишнее доверие к познавательным возможностям гофмановской объяснительной парадигмы. Проницательность автора этой парадигмы, как известно, лучшая всего «работала» именно в сфере «повседневного» поведения человека.

Обыденное сознание обывателя — вот площадка, на которой родился социологический манифест Ир. Гофмана. Вопрос только один: подошла ли эта объяснительная схема для понимания «неповседневности»?

Ключ к повседневности — неповседневность

В этой связи два слова именно о «неповседневности». Это огромная часть человеческого существования. Без нее не имело бы смысла говорить о «casuality», о «повседневной жизни». Неповседневность — это область «героического», которое сопровождает преодоление кризисов индивидуальных и социальных. Факт очевидный: людям приходится жить и в «повседневности», и в «неповседневности». Последняя, действительно, врывается в привычную, габитуализированную повседневность в эпохи крутых реформаций, вынужденных преобразований, «перерывов постепенностей». И это всегда вызов сложившимся укладам, который (вызов) сопровождается подчас нечеловеческим драматизмом. Отсюда и конфуцианское «Не приведи бог жить в эпоху перемен». Но «перемены» — это всегда плата за устаревший, нецивилизованный уклад жизни. И жить в такой «неповседневности» — тоже судьба и периодическая неизбежность. Отсюда и другой пафос, другой *modus vivendi*: «Благословенны трудности, ибо ими растем».

Ир. Гофман постоянно подчеркивал, что его парадигма «работает» исключительно в условиях наработанной повседневности и повторяемости ежедневного опыта. Поэтому нет особых оснований считать, что можно добиться желаемого результата, когда мы пытаемся с гофмановских позиций подойти к «эго-документам» не просто юности, а той незаурядной молодости, которая и мировой литературе всегда представлялась периодом «штурма и натиска», периодом «штурма неба». За молодостью действительно много преимуществ, утрачиваемых с годами взросления, с проклятием того, что И. Гончаров называл «обыкновенной историей». И одно из шикарных преимуществ — это «свойственная молодости свежая идея целого» (Лифшиц 1984: 3), того самого «целого», с которым так презрительно и неумно расправляется постмодернизм, делая ставку только на «локальное», «местное», «идиоматическое».

Если не вводить себя и других в заблуждение...

Но даже и там, где Ир. Гофман должен чувствовать себя, как на своем коньке, у него не всегда сходятся концы с концами. Имеется в виду та «константа» в теории американского социолога, которая состоит в потребности и необходимости «вводить окружающих в обман»

с целью лучше подать свое «Я». Не все социологи с этим согласны в том смысле, что эта линия поведения всегда требует такой «психо-технической» изощренности, которая многим по разным причинам недоступна и неприемлема. Люди в большинстве своем, — считал П. Бергер (в работе «Приглашение в социологию», 1964), — скорее, простодушны, чем наоборот. Это наблюдение не меньше похоже на правду, чем «открытие» Ир. Гофмана о коварстве субъекта, презентующего себя другим. Дело не просто в том, что «честность — лучшая политика» и что «кто много врет, у того должна быть хорошая память». Опыт повседневности говорит, похоже, в пользу того, что часто простодушие — более выигрышная и оптимальная «стратегия», что не исключает и «введения в заблуждение» в силу суровой необходимости.

В том же ряду аргументов лежит и тот довод, что бремя сокрытия своего подлинного «Я» перед другими часто оказывается тяжелее по своим последствиям, чем выигрыш от обмана. Ир. Гофман рассматривает вроде бы типичный случай, когда совсем еще молоденькая девушка из среднего класса притворяется глупенькой для ублажения самолюбия своего ухажера. Возможно, это маленькие женские досвадебные хитрости. Однако американский социолог вынужден признать. «В той мере, в какой человек поддерживает перед другими спектакль, в который сам не верит, он может начать испытывать особого рода отчуждение от самого себя [...] Вот что сообщила, например, одна американская студентка: „Иногда на свиданиях я «играю в глупенькую», от этого потом тошнит. Переживания сложные. Часть меня испытывает удовольствие от того, что я «кидаю» ничего не подозревающего парня. Но это чувство превосходства над ним смешано с чувством вины за мое лицемерие. К своему «казнобе» я испытываю некоторое презрение за то, что он «попался» на мою удочку, или, если парень мне нравится, — что-то вроде материнского снисхождения. Иногда я ужасно злюсь на него! Ну почему он не превосходит меня во всех отношениях, как полагается мужчине, чтобы я могла стать естественной, самой собой? И что я тут делаю с ним, наперекор всему? Зачем несу какую-то чепуху? [...] И раз или два я чувствовала, что осталась в дураках: парень разглядел мои уловки и потерял уважение ко мне за мое добровольное унижение до таких трюков“» (Гофман 2001).

Почему трудно быть молодым?

В известном противоречии с концепцией Ир. Гофмана звучит старое, если не древнее наблюдение: «Молодое сердце всегда ближе к правде». И это органическое неприятие лицемерия и лицедейства составляет, как бы выразились социологи, огромный «человеческий

капитал» молодежи не только в ее собственной среде обитания, но и за пределами этой среды, когда молодость становится для взрослых предметом тайного восхищения и неизбежного укора. «Юность — это возмездие» (Г. Ибсен). Эта природа молодости, эта ее онтологическая черта наиболее выпукло обнаруживает себя в самых драматических и неподдельных сферах социального и исторического бытия человеческого общества, важнейшую из которых (сфер) составляет политика. Один из мрачных консерваторов XIX в. граф де Габино именно по этой причине не случайно стал автором «хрестоматийного» проклятия по адресу юности: «Молодые — одна из величайших опасностей, какие угрожают нашей цивилизации. Единственная политика, которую надлежит к ним применять, — это политика террора» (цит. по: Дольго 1997: 162). Этот почти карикатурный рецепт закоренелого ретрограда и чиновника эпохи французской Реставрации не облегчает, однако, нам исследование нашей проблемы — проблемы искренности или неискренности человека в подаче своего «Я» перед другими. Для того же Ир. Гофмана «быть или казаться» не представляется дилеммой. «Казаться» — это существенный элемент технологии «управления впечатлениями» у других субъектов коммуникации. Однако для социума, который поддерживает ценности свободного, демократического, цивилизованного общения — это именно дилемма. Тут неожиданную весточку из классического жанра подает нам автор статьи «Быть и казаться» — Н. И. Пирогов, медицинский и общественный деятель России середины XIX столетия.

Н. И. Пирогов: «Быть и казаться»

«Неожиданность» состоит в том, что Н. И. Пирогов, с нашей, «современной» точки зрения, высказался экстраординарно. В упомянутой статье, опубликованной в газете «Одесский вестник» от 29 марта 1858 г. и написанной в связи с просьбой учеников Второй одесской гимназии разрешить (!) им играть в публичном театре, прозвучала тревога о преждевременном развитии в ребенке искусства притворства, обмана и неискренности. То есть того, что во взрослом мире Ир. Гофман рассматривает социологически нейтрально. Мысль же знаменитого хирурга и общественного деятеля предельно проста и точна: вместо того, чтобы самим во взрослости стараться сохранять и культивировать непосредственность и искренность детства, взрослые готовы поощрять детский успех в лицедействе. «Родитель или наставник, дозволяя себе выставлять юношество в искаженном виде на публичное содержание, не вносит ли в восприимчивую душу начало лжи и притворства [...] А шумные похвалы, воздаваемые тому притворству, которое сделалось натуральным,

разве не пробуждает желание усовершенствоваться, и в какой душе? — еще не коротко знакомой с наукой быть и казаться [...] Подождите, дайте [ребенку] развиваться, дайте время начать борьбу с самим собой и в ней окрепнуть. Тогда, кто почувствует в себе призвание, пожалуй, пусть будет и актером: он все-таки не перестанет быть человеком» (Пирогов 1985).

***

Начиная разговор о молодежи в связи с выходом книги «Энциклопедия юности» и рецензией на нее проф. Шалина, приходится в заключение констатировать. Конечно, прочтение «эго-документов», как говорится, обязывает. Важно не только понять, насколько высказанное и сохраненное в этих «документах» соответствует реальной хронике событий в биографии автора воспоминаний и самоаттестаций. И здесь «технология» выяснения обманов и самообманов Ир. Гофмана вполне уместна. Но если это и восстановление правды, то этот результат может быть назван, скорее, «малой правдой». «Большая» же «правда» при реконструкции «субъективного Я» как создателя «эго-документа» состоит в ответе на вопрос, в какой степени герой автобиографии, если можно так выразиться, не просто «играл себя самого» и присутствовал в личной «повседневности», но, напротив, был чем-то большим, чем просто эмпирическое «Я», был пионером нового тренда, был в самом широком смысле *speculum mundi*, был онтологической подлинностью в меняющихся и случайных обстоятельствах человеческого бытия. Отдавать отчет в этом сто крат важнее, если мы имеем дело с пониманием *детства* и *юношества*, онтологические достоинства и доблести которых всегда остаются критерием настоящей, нерелятивистской цивилизованности жизни *взрослых* людей.

Источники

Божков О. Б. Биографии и генеалогии: ретроспективы социально-культурных трансформаций // Социологический журнал. — 2001. — № 1. — С. 74–87.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. — М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2000. — 304 с.

Дольто Ф. На стороне ребенка. — СПб.: «Петербург — XXI век», 1997. — 527 с.

Достоевский Ф. Неточка Незванова // Собр. соч.: В 15 т. — Л.: Наука, 1988. — Т. 2.

«Инглхарт Р., Вельцель К.» Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. — М.: Новое издательство, 2011. — 464 с.

Лифшиц М. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. — М.: Изобразительное искусство, 1984. — 432 с.

Пирогов Н. И. Быть и казаться // Избранные педагогические сочинения. — М.: Педагогика, 1985. — С. 496.

Эпштейн М., Юрьенен С. Энциклопедия юности. — М.: Эксмо, 2017.

«Яницкий О. Н.» Актуальные проблемы динамики российской науки // Отечественные науки и современность. — 2020. — № 4. — С. 107–117. — DOI: 10.31857/S086904990010753-0.

Shalin Dm. Biocritical Reflections on the “Encyclopedia on the Youth” // Автобиография. — 2020. — No. 9.

References

Bozhkov O. B. Biografii i genealogii: retrospektivnyu sotsial'no-kul'turnykh transformatsii [Biographies and genealogy: Prospects for socio-cultural transformations]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 2001, no. 1, pp. 74–87. (In Russian)

Gofman I. *Predstavleniye sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [Introducing yourself to others in everyday life]. Transl. from Eng. by A. Kovalev. Moscow, KANON-Press-TS, Kuchkovo Pole, 2000, 304 p. (In Russian)

Dol'to F. *Na storone rebenka* [On the side of the child = La cause des enfants]. Transl. from French by K. Baevskaja, O. Davtjan. Saint Petersburg: Peterburg — XXI vek, 1997, 527 p. (In Russian)

Dostoyevskiy F. M. *Netochka Nezvanova. Sobraniye sochineniy v 15-ti tomakh* [Collected works in 15 vols]. Vol. 2. Leningrad, Nauka, 1988. (In Russian)

Epshteyn M., Yur'yenen S. *Entsiklopediya yunosti* [Encyclopedia on the Youth]. Moscow, Eksmo, 2017. (In Russian)

Inglehart R., Welzel Ch. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, cultural change, and democracy. The Human development sequence]. Transl. from Eng. by M. Korobochkin. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011, 464 p. (In Russian)

Lifshits M. *Vmesto predisloviya* [Instead of a Preface]. *Sobranie sochineniy v 3-h tomakh* [Collected works in 3 vols]. Vol. 1. Moscow, Izobrazitel'noye iskusstvo, 1984. (In Russian)

Pirogov N. I. *Byt' i kazat'sya* [To be and to seem]. *Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya* [Selected pedagogical works]. Moscow, Pedagogika, 1985. (In Russian)

Shalin Dm. Biocritical Reflections on the “Encyclopedia on the Youth”. *Автобиография*, 2020, no. 9. DOI: 10.25430/2281-6992/v9-026.

Yanitskiy O. N. *Aktual'nye problemy dinamiki russkoi nauki* [The Actual problems of the dynamics of Russian science]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Domestic sciences and modernity], 2020, no. 4, pp. 107–117. DOI: 10.31857/S086904990010753-0 (In Russian)

Щёлкин Александр Георгиевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

Shchelkin Alexander G., Dr. Sci. (Philos.), Prof., Leading Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation.
evropa.ru@gmail.com

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-15.zmej-c395

О. В. СЕРГЕЕВА

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНФРАСТРУКТУР (С. Л. СТАР, ДЖ. БОУКЕР, Б. ЛАРКИН)

В статье представлен обзор идей ведущих авторов, чьи работы составили основу одного из современных направлений исследований технологий, а именно социальные исследования инфраструктур. Читателю предлагается диапазон понятий, благодаря которым появляется возможность социологически теоретизировать технические системы, например электрические сети, транспортные коммуникации, информационные базы данных и интернет-платформы. В интеракционистском подходе С. Л. Стар объясняется реляционность инфраструктур, которые всегда есть там, где уже сложилась сеть человеческих отношений и взаимозависимостей. Дж. Боукер призывает задуматься о гиперфункциональности инфраструктур, т. е. свойстве технологий, поддерживающих человеческую самость и даже эгоцентризм. Отталкиваясь от представлений о технополитике, Б. Ларкин акцентирует внимание на поэтической зрелищности инфраструктур как компоненте политического режима. В итоге, благодаря представлению трех авторских подходов содержание статьи позволяет получить понимание недавно оформившегося направления — социального исследования инфраструктур, интересного в том числе для всех изучающих тренды цифровизации.

Ключевые слова: исследования инфраструктур, социология медиа, социотехнические системы, цифровизация.

OLGA V. SERGEYEVA

DEVELOPMENT OF INFRASTRUCTURE STUDIES (S. L. STAR, G. BOWKER, B. LARKIN)

The article provides an overview of the ideas of leading authors, whose works develop one of the directions in modern technology research. The readers see the range of concepts through which it is possible to theorize technical infrastructures sociologically, for example, electrical networks, transport communications,

information databases and Internet platforms. The interactionist approach of S. L. Star explains the relational nature of infrastructures. G. Bowker calls to think about the hyper-functionality of infrastructures, that is, the property that supports the human self and even egocentrism. Starting from the concept of techno-policy, B. Larkin focuses on the poetic function of infrastructures as a component of the political regime. As an emerging area, acquaintance with social research of infrastructures is interesting for everyone who studies digitalization trends.

Keywords: infrastructure studies, media sociology, socio-technical systems, digital turn.

Введение

Совсем недавно в арсенале тех, чьи научные интересы связаны одновременно с городским пространством, медиа, цифровыми технологиями, появились работы, часто обозначаемые как «социальные исследования инфраструктур» (*infrastructure studies*). Исследования инфраструктур оформлялись под влиянием двух интеллектуальных направлений: во-первых, истории больших технических систем (*large technical systems*, LTS), во-вторых, феноменологических интерпретаций технологий как объектов повседневности. При историческом изучении технических систем, например электрических сетей, телефонной связи, управления авиасообщением (Bijker et al. 1987; Hughes 1983), неизбежно возникали вопросы их социальной адаптации, восприятия разными группами граждан, политического регулирования, общественного блага и т. п., что легитимировало социологический ракурс таких изысканий.

Феноменологическая аналитика инфраструктурно организованных технологий упрочила понимание того, как поддерживается членство и идентичность людей посредством, например, национальных железных дорог или телефонной связи. Став частью жизненного мира, подключение к инфраструктуре дает человеку новую возможность / зависимость и создает потенциал для социального хаоса во время аварийных эпизодов, таких как сбой электричества или Интернета (Edwards et al. 2009; Graham, Marvin 2001; Ribes, Finholt 2009). Этот поток исследований подчеркивает критическую роль человеческого участия в инфраструктуре, прежде всего методов работы, индивидуальных привычек и организационной культуры. В центре внимания находятся также способы, которыми могут структурно исключаться некоторые люди от якобы «универсальных» услуг: например, сидящие в инвалидной коляске от неприспособленного общественного транспорта.

Таким образом, на протяжении нескольких десятилетий конца XX — начала XXI в. инфраструктурная тематика укоренилась в актуальных повестках ряда социальных и гуманитарных наук. И, как это часто случается, когда представители разных научных дисциплин концентрируются на каком-либо одном чрезвычайно многоаспектном объекте, сложилось отдельное направление, обозначаемое предельно широко «социальные исследования инфраструктур» (аналогично городским исследованиям, визуальным исследованиям и т. д.).

Российские социологи, занимающиеся технологиями, хорошо знакомы с «инфраструктурным направлением». Так, в 2017 г. организационными усилиями Центра исследований науки и технологий Европейского университета в Санкт-Петербурге была проведена международная конференция «Социальные исследования инфраструктур: соединяя локальное и глобальное»*. В публикациях работ этого Центра как раз используются и популяризируются теоретические и эмпирические результаты исследований зарубежных авторов (Земнухова и др. 2019; Кузнецов 2014). Однако несмотря на вклад упомянутых ученых, знакомство с социальными исследованиями инфраструктур в России все еще находится на начальном этапе, хотя понятия и методологические стратегии показали свою объяснительную силу при рассмотрении многих актуальных тенденций, в частности цифровизации городских процессов. Пока не отражены идеи исследователей инфраструктур и в русскоязычных учебниках и хрестоматиях по социальным и гуманитарным дисциплинам. Этим определилась цель настоящей статьи — познакомить российских читателей с идеями ключевых представителей социальных исследований инфраструктур и теми понятиями, которые они предлагают для постижения вездесущих технологий.

С. Л. Стар

Сьюзен Ли Стар (Susan Leigh Star), начав заниматься в ходе своей докторантуры спецификой труда научной лаборатории, открыла и пыталась решить проблему стандартных рабочих процедур в потенциально дискуссионной среде современной академии. Так, она пришла к определению экологии знания как некоторой разделяемой многими среды, скрепляемой инфраструктурами.

---

* Программа Международной конференции «Социальные исследования инфраструктур: соединяя локальное и глобальное» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livinginfrastructures.files.wordpress.com/2017/04/living-infrastructures-conference-program-2017-04-24.pdf>.

Говоря о том, что такое инфраструктура, Стар сначала озвучивает идею о ее дуальной, парадоксальной природе. Это одновременно двигатель и препятствие для изменений; это то, что поддается перестройке, но и обладает консервативной жесткостью как внутри организационной практики, так и при наблюдении извне. Это продукт и процесс. Стар отмечает, что парадокс дуальности благодаря Гидденсу определяется сегодня как структурирование: начиная внедрять какую-либо технологизированную систему (будь то транспорт или электронное хранилище информации), человек или организация адаптирует ее в соответствии со своими целями и возможностями, что, в свою очередь, в дальнейшем требует калибровки и стандартизации (Star, Ruhleder 1996). Есть диалектика отношений структуры и агентства, характеризующая функционирование крупномасштабных распределенных технологий. Диалектика структурирования связана с противоречиями между местным, индивидуальным, гибким использованием ресурсов какой-либо системы, с одной стороны, и потребностью в стандартах и преемственности — с другой. Стар ссылается на авторов, обнаруживающих парадоксы дуальности инфраструктур (Orlikowski 1991; Davies, Mitchell 1994).

С развитием децентрализованных технологий, охватывающих большие географические пространства, одновременно возрастает как потребность в общих стандартах, так и потребность в адаптируемости технологий. В этом случае, по мнению Стар, инфраструктура как раз и обеспечивает нужную унификацию практик обращения с технологией.

Свойства инфраструктур Стар изучала в том числе на примере создания в начале 90-х гг. XX в. программного обеспечения для системы совместной работы территориально рассредоточенного сообщества генетиков. Это был период радикальных изменений в более широкой сфере электронных информационных систем, связанный с массовым приобщением к Интернету (1991–1994). Целью разработки являлось преобразование исследовательской практики в одной из лабораторий для минимизации рисков от локального расположения данной организации по отношению к глобальным знаниям и результатам. Требовалось создать своего рода «надлабораторию», охватывающую все научное сообщество, чтобы был доступ к необходимым данным. При этом потребности как в общих стандартах, так и в настраиваемых компонентах были одинаково сильны.

Будучи приверженцем символического интеракционизма, Стар (вместе с коллегами) провела этнографическое исследование «вживления» технологии связи в научную лабораторию, показывая, кто и что

меняется и как инфраструктура может быть (но может и не быть) объединяющим началом. Стар использовала понятия «пограничный объект» (Star 1988) и «пограничная инфраструктура» (Bowker, Star 1999: 313–314), чтобы объяснить преодоление границ между социальными акторами с разными задачами, ожиданиями и идеологиями в ходе их общения к единым поддерживаемым структурой правилам.

Один из основных выводов, идентифицирующих научные достижения Стар, — ее реляционная трактовка инфраструктуры. Стар предлагает сместить акценты и задавать вопросом не «что такое инфраструктура?», а «когда есть инфраструктура?». Инфраструктура возникает на практике и всегда связана с деятельностью людей и их отношениями. Она пишет: «Распространенные метафоры представляют инфраструктуру как субстрат: то, на чем „работает“ или „действует“ что-то еще, например система железнодорожных путей, где могут двигаться вагоны. Такое видение представляет инфраструктуру как нечто, что создается и обслуживается, а затем растворяется в далекой перспективе. Это что-то готовое, очевидное. Но такая метафора бесполезна и не точна для понимания взаимосвязи между работой / практикой и технологиями. [...] Такое определение не улавливает дуальность использования, упомянутую выше: например, без терминала Брайля Интернет не поддерживает общение слепых» (Star, Ruhleder 1996: 112–113). В свете реляционного подхода любой набор любых приспособлений становится инфраструктурой, когда пользователь может решить с их помощью свои коммуникативные задачи (или не становится, как в случае с Интернетом без адаптера для инвалидов по зрению). Инфраструктурность выступает только как относительное свойство объектов, а не как данность, возникшая до применения. Зададим еще раз вопрос «когда есть инфраструктура?» и ответим в духе Стар: «когда мы полагаемся на что-то, поддерживающее наши связи и мобильности, когда наши привычки и повседневные ритмы зациклены на возможности этой системы связи».

К ключевым чертам инфраструктуры Стар относит следующее:

- инфраструктура «утоплена» внутри других конструкций, узлов и технологий;
- инфраструктура понятна для постоянного пользователя и не вызывает опасений, что нужно заново что-то осваивать; она как бы незримо присутствует в решении текущих задач;
- инфраструктура транслокальна;
- инфраструктура поддерживает сообщество;
- инфраструктурные процессы и связи стандартизированы;

- инфраструктура не безразлична к обычаям и традициям социальной среды, где она развивается;
- инфраструктура опирается на уже существующую базу;
- инфраструктура становится «видимой» после поломки, т. е. ее функциональность обычно незаметна, но остро ощущается, когда что-то выходит из строя.

Дж. Боукер

Джеффри Боукер (Geoffrey C. Bowker), специалист в области истории и философии науки, был соавтором С. Л. Стар (исследовательница умерла в 2010 г.). Широко известна их совместная критическая работа «Разбирая вещи: классификация и ее последствия» (Bowker, Star 1999), где проанализирован социальный смысл государственного и медицинского учета и отнесения граждан к различным категориям. Авторы сосредотачиваются как на культурных, так и на технических аспектах классификации, реализуемой с помощью информационной инфраструктуры.

В резюме Боукера отмечено, что его научным кредо является обращение к ценностям, воспроизводимым социотехническими инфраструктурами, прежде всего базами данных, стратегиями визуализации, техническими стандартами.

Сотрудничая со Стар, Боукер тем не менее полагает, что в ее подходе недостаточно учитывается субъективно-человеческое восприятие инфраструктуры, и ратует за гуманистическое измерение в социологических и исторических исследованиях инфраструктур. Он считает, что сегодня скрытая объективирующая онтология подчиняет себе исследования инфраструктуры: человеческую субъектность обгоняет объективированный человек, или человек, как он определяется через призму инфраструктурных объектов. Возможно, это не удивительно, учитывая, что люди зависят от вещей и эта зависимость возрастает во все более гиперопосредованной окружающей реальности. Поэтому так легко упустить из виду человеческий взгляд на объекты для объективного взгляда на людей (Seberger, Bowker 2020).

Акцентирование на моменте поломки как ключевом свойстве работающей инфраструктуры также является, по мнению Боукера, отступлением от гуманистического понимания социотехнических систем. Как писали Стар и Руледер: «Обычно невидимое качество работающей инфраструктуры становится видимым, когда она ломается; сервер не работает, мост размывается, отключено электричество. Даже когда

существуют резервные механизмы или процедуры, их существование еще больше подчеркивает видимую теперь инфраструктуру» (Star, Ruhleder 1996: 113).

Боукер подчеркивает и полемизирует: человек-субъект рассматривается через призму объектов, которые он больше не может использовать. В этом качестве человек предстает прежде всего как настроенный на объекты пользователь, что, безусловно, редуцирует объемность отношений человека с материальными объектами, даже «умными». Когда инфраструктура становится видимой в результате поломки, ее видимость, независимо от того, описана она глазами разочарованных пользователей или нет, всегда уже является объективной видимостью. Состояние видимости возникает в результате состояния объекта: его сломанности. Таким образом, когда выделяют влияние поломки инфраструктуры на пользователей, то рассматривают опыт инфраструктуры в объективной линзе — видят пользователя в обрамлении объектов, а не объекты, созданные и интерпретируемые их пользователями.

Исследование поломки инфраструктуры следует стандартной эпистемической траектории: человеческая субъективность анализируется через возможные действия, которые может предпринять субъект, причем эти действия продиктованы доступными объектами. Инфраструктуры и их объектные компоненты являются принудительными активаторами / контроллерами точно так же, как структуралисты утверждали, что язык говорит за нас, сегодня часто полагают, что инфраструктуры живут за нас.

Стремясь преодолеть редукцию человеческого в социальных исследованиях инфраструктур, Боукер развивает гуманистическое видение, привлекая идеи феноменологического поворота в исследованиях взаимодействий человека с компьютером (*human computer interaction* — Harrison et al. 2007; Bardzell, Bardzell 2015). Он вводит понятие «инфраструктурная инверсия» субъектов и объектов, которые собираются вместе при создании инфраструктуры (Bowker 1994). Гуманистические исследования инфраструктуры предполагают, что мы живем своей инфраструктурой, но мы в первую очередь ориентированы на себя и свои действия и даже в моменты технических сбоев не видим инфраструктуру, а видим конечные точки коммуникативных процессов — экраны, планшеты, смартфоны.

Боукер полагает: быть человеком по отношению к инфраструктуре значит не обращать внимания на отдельность (выражение М. Хайдеггера) человеческого состояния, а принимать инфраструктуру как известную переменную, уже учитываемую в повседневном опыте

человеческого субъекта. Инфраструктура как концепция по самой своей природе не часто присутствует в умах ее пользователей.

То, что человек живет с помощью инфраструктур, означает, что инфраструктуры влияют (или частично влияют) на восприятие человека. Человек-пользователь — это не просто техническая операционализация, которая служит основой для документов о правилах использования приборов. Человек-пользователь наполнен эмоциональностью, иррациональностью, своеобразными ментальными картами того, как все работает; личные рассказы; практики семьи; амбиции; житейские ситуации и проблемы. То, что инфраструктуры наиболее легко становятся объектом анализа и изучения их разрушения, настраивает нас против изучения тех же самых инфраструктур с позиции человека, который переживает их разрушение.

Лица, встроенные в конкретную инфраструктуру, как правило, не обращают внимания на опыт работы с инфраструктурой. Опыт обращения к инфраструктуре — акт проживания через нее и посредством нее — уходит на задний план. И все же обыденное — это именно то место, где разворачивается жизнь, где социальное становится самим собой. Для гуманиста-технолога это представляет серьезную проблему, поскольку для изучения опыта инфраструктуры важны ситуации, когда человек творчески проверяет работу инфраструктуры. В отсутствие акцента на человеческих и социальных аспектах инфраструктуры мы видим только часть картины, причем в свете технологического детерминизма. Чтобы начать видеть более широкую картину, включающую штрихи человеческого дискурса, требуются новые, скорее всего междисциплинарные, исследовательские рамки.

Именно с целью продвижения гуманистического подхода Боукером вводится понятие гиперфункциональности — качества инфраструктуры, которое возникает в результате взаимодействия пользователя с инфраструктурой. Эта линза является скорее субъективной, чем объективной, потому что гиперфункциональность описывает то, как, сталкиваясь с проявлениями инфраструктуры, пользователь открывает что-то новое в себе, пересматривает аспекты своего мировоззрения.

Гиперфункциональность вызывает инверсию инфраструктуры. В то время как поломка позволяет изучать пользователя через призму инфраструктурного объекта, гиперфункциональность позволяет теоретизировать инфраструктуру с точки зрения пользователя. Чтобы объяснить гиперфункциональность, Боукер рассказывает историю поездки за чашкой кофе. В этой истории главный герой усиленно работает дома над текстом диссертации, но в течение дня предпринимает поход

в кафе, чтобы встряхнуться и выйти к людям из своего вынужденного затворничества. Боукер иллюстрирует, как все вокруг доставляет герою приятные впечатления — дорога вдоль океана, музыка, воспроизводимая iPod Touch, чашка сладкого кофе... И когда герой уже готов сесть в машину, чтобы вернуться домой к работе, его телефон вибрирует. Рассчитывая увидеть электронное письмо или текстовое сообщение от кого-либо, герой вдруг прочитал на экране сообщение от Apple Maps: «19 минут до Anytime Fitness (через Ocean Boulevard)». И у героя вдруг резко меняется настроение, потому что он воспринимает это сообщение не как автоматическую констатацию некоторых знаковых организаций на карте района, а как напоминание, что ему хорошо бы посетить спортзал. В его голове пульсируют инсайты, что он вынужден вести сидячий образ жизни, пока пишет диссертацию, что он недавно бросил курить и прибавил в весе. Для него сообщение от Apple Maps звучит так, как если бы его телефон только что назвал его толстым. Настроение героя кардинально портится (Seberger, Bowker 2020: 4–5).

Так, на примере Боукер объясняет гиперфункциональность или то, как человек становится видимым в качестве уникальной личности благодаря своим отношениям с невидимой инфраструктурой. Мы не можем сказать, что произошел какой-то сбой в инфраструктурном сочетании, в состав которого входит герой истории. Герой истории в полной мере ощутил физико-технологическое воплощение культурного капитала в виде таких вещей, как смартфон, лифт, планшет, автомобиль, которые не ломались и стали видимыми отнюдь не из-за их полного отказа. Все сработало нормально. Более того, функциональная невидимость этой инфраструктуры была настолько полной, что она не входила в мысли героя, пока не представила результаты своей функциональности. Инфраструктура явилась пользователю именно потому, что была слишком функциональной, и это привело к изменению состояния героя. Человек в этой истории стал неожиданно видимым для себя благодаря функциональности его инфраструктуры. Но радость от этой конкретной поездки, небольшой перерыв между выполнением трудной работы и сама причина поездки были сведены на нет, потому что инфраструктуры, которые поддерживали все устройства героя, привели к неожиданному результату. Повседневная инфраструктура вокруг героя, более или менее прочное соединение объектов, с помощью которых он осуществляет свою жизнь, стало дискретно видимым из-за функциональности. Герой стал неожиданно видимым из-за его реакции на функциональность, которую продемонстрировал его собственный гаджет. Это было слишком функционально или как раз гиперфункционально.

Б. Ларкин

Брайана Ларкина (Brian Larkin) считают представителем «второй волны» в социальных исследованиях инфраструктур. Одним из критериев разделения исследовательских «волн» (С. Л. Стар и Дж. Боукер оцениваются как представители «первой волны») является направленность работ либо на развитие технологий в условиях капиталистических стран-лидеров Северной Америки и Европы («первая волна»), либо на проблематику стран Азиатского и Африканского континентов («вторая волна»). Интересы Ларкина довольно разносторонни, он исследует медиатехнологии и то, как они формируют более широкий социокультурный ландшафт, от форм политического правления до устройства городских пространств, религиозной и культурной жизни. Он анализирует фактическое функционирование инфраструктур и то, как они образуют миры, в которых мы живем.

Согласно Ларкину инфраструктуры — это созданные сети, которые облегчают поток товаров, людей или идей и обеспечивают их обмен в пространстве. Как физические формы, они влияют на природу связи, скорость, время и направление движения, а также обладают своей спецификой уязвимости к поломке / срыву. При этом фокус в восприятии инфраструктур смещен на объекты, которые они перемещают. Мы часто видим компьютеры, а не кабель, свет, а не электричество, краны и воду, но не трубы и канализацию.

Инфраструктуры составляют архитектуру обращения, буквально обеспечивая основу современных обществ, и они создают окружающую среду повседневной жизни. До недавнего времени антропология мало что могла сказать об инфраструктурах, но в последнее десятилетие появились новые интеллектуальные направления, обращающиеся к проблеме инфраструктуры как к центральной проблеме. Хотя в течение многих лет антропология «играла» с метафорой инфраструктуры, чтобы сослаться на все — от марксистского анализа отношений между базисом и надстройкой до знаков языка Соссюра.

Возможно, наиболее динамичный подход к изучению инфраструктур в современной антропологии пришел с концепцией технополитики. Благодаря обращению к политическим аспектам технологий стало понятно, что дисциплинарная задача социальных исследований инфраструктур состоит в том, чтобы рассматривать влияние дороги, например, в этой части Перу (Harvey 2012) или той части Нигерии (Masquelier 2002), а не анализировать статистику дорожного строительства. Необходимо также сосредоточить внимание на непредвиденных обстоятельствах,

благодаря которым инфраструктуры могут дать представление о других областях, таких как практика управления, религия или семейный досуг. К сегодняшнему дню уже накоплен багаж в области изучения науки и техники, достаточный, чтобы проследить, как материальный ландшафт связан с политическими процессами (Bennett 2010). Инфраструктуры в этих работах интересны тем, что раскрывают формы политической рациональности, лежащие в основе технологических проектов, и то, как они порождают аппарат государственного управления.

Но инфраструктуры также существуют как формы, отличные от их чисто технического функционирования, и их необходимо анализировать как семиотические и эстетические средства, ориентированные на разных адресатов. Они возникают и хранят в себе желания и фантазии и могут обладать значением, подобным фетишу. Инфраструктуры иногда могут быть полностью автономными от их технической функции. Гипотеза Ларкина состоит в том, что сосредоточение внимания на вопросе формы или поэтике инфраструктуры позволяет нам понять, каким образом можно формировать политическое с помощью различных (материально-технических) средств. Инфраструктуры могут быть включены в то, что В. Беньямин называл коллективной фантазией общества. Это также означает понимание того, что инфраструктуры представляют собой семиотические объекты, и необходимо видеть, как они обращаются к субъектам и поддерживают технические операции конкретных людей.

Как технологические объекты инфраструктуры требуют изучения в традициях исследования технологий. И все же дуальность инфраструктур указывает на то, что, когда они работают, их нельзя понять / теоретизировать в терминах одного объекта. Что отличает инфраструктуры от технологий, так это то, что они являются объектами, которые создают основу для работы других объектов. Возможно, из-за этого качества инфраструктуру очень непросто концептуализировать. Один из доминирующих способов думать об инфраструктуре — это полагать ее «системой субстратов», т. е. видеть в качестве основы, в которую погружен феноменальный мир социальных отношений. Эта точка зрения предполагает четкую линейную связь между базовой системой и феноменальным миром, в котором он порождается, хотя эти отношения зачастую определить гораздо сложнее. Взять, к примеру, компьютер, за которым мы работаем. Какова его инфраструктура? Электричество может быть наиболее очевидным субстратом, позволяющим компьютеру выполнять операции. Но хотя электричество — это инфраструктура компьютера, компьютер представляет собой инфраструктуру электроснабжения, поскольку вся отрасль передачи регулируется

автоматизированно, и т. д. Электричество, в конце концов, является лишь одной из многих других инфраструктур, которые лежат в основе компьютера: есть еще система телематики, позволяющая передавать и получать информацию, программные протоколы, направляющие стратегию действия «машин», а также образовательные и культурные компетенции, необходимые для понимания функционирования устройства. Все эти субстраты важны для работы компьютера. Простое линейное отношение между инфраструктурой-основанием и видимым пользователю объектом оказывается неточным. Таким образом, наше исследование инфраструктуры может быть сосредоточено на вещах, знаниях или людях (Larkin 2013).

Следует признать, что инфраструктуры работают на разных уровнях одновременно, генерируя несколько форм адресатов, и что исследователь с его конкретным набором интеллектуальных вопросов должен будет выбрать, какой из этих уровней рассматривать. Инфраструктуру не понять в позитивистском смысле как нечто объективно существующее «там». Акт определения инфраструктуры является моментом выделения ее границ. Определение включает в себя культурную аналитику, обусловленную эпистемологическими и политическими обязательствами определяющего субъекта. Фактически мы всегда выбираем то, что мы видим в инфраструктуре и что оставляем без внимания. Вопросы, которые ставит Ларкин, наблюдая инфраструктуры, касаются их эстетики.

В африканской антропологии и африканских исследованиях был проведен подробный анализ процесса «удвоения» предполагаемой цели, ради которой создаются и работают технические системы. Э. Мбембе (исследователь из Камеруна) утверждал, что стиль правительства, который развивался во многих африканских странах в период военного правления, действовал через постоянное распространение формальных технологий государства — бюджетов, контрактов, должностных инструкций, сертификатов, — при этом было осознание того, что все они имеют мало отношения к реальности. Государства создавали дороги, фабрики, мосты, которые, как считалось, выполняют техническую функцию, но фактически в то же время эти сооружения работали на другом уровне. Мбембе отмечает, что часто функция создания инфраструктурных проектов гораздо больше связана с получением доступа к государственным контрактам и вознаграждением сетей клиентов-покровителей, чем с их технической функцией. Вот почему дороги исчезают, фабрики строятся, но никогда не эксплуатируются, а мосты уходят в никуда (Mbembe 2001).

Ларкин обращается к лингвистике Р. Jakobsona, который определил поэтическую функцию как одну из шести различных функций, присутствующих в любом речевом акте. Что отличает поэтическое, так это то, когда «ощутимость знака» становится доминирующей, определяющей функцией некоторого речевого акта (Jakobson 1975). Следовательно, поэтика является перестройкой иерархии значений в речи. Дискурс действует на многих уровнях одновременно, но речевые акты высвобождают в своих поэтических функциях иные значения, чем в коммуникативных функциях.

В случае инфраструктуры поэтическая модальность означает, что форма довлеет над технической функцией. Инфраструктура становится средством, с помощью которого государство предлагает некоторые представления своим гражданам и просит принять эти представления в качестве социальных фактов. Это создает политику «как будто». В своей поэтической манере бюджеты становятся произвольными символическими действиями в той же мере, что и методы управления. Это понятие верно везде, но оно приобретает особую интенсивность во многих частях Африки. Там, как указал Мбембе, официальные должностные инструкции не соответствуют фактическим полномочиям, должности распределяются по причинам, не связанным с профессиональной квалификацией; бюджеты составляются, но их исполнение не имеет к первоначальным планам никакого отношения.

Инфраструктуры работают на нескольких уровнях одновременно. Они выполняют технические функции (они двигают трафик, воду или электричество), опосредуя обмен на расстоянии и связывая людей и вещи в сложные гетерогенные системы и действуя как энтекстуализированные (энтекстуализация — закрепление в виде текста) формы, которые имеют относительную автономию от своих технических функций. Представление об этой операции как о форме поэтики, в смысле Jakobsona, означает перестройку иерархии функций таким образом, что эстетическое измерение инфраструктуры (а не ее технические функции) является доминирующим.

Таким образом, многие исследования, которые начинаются с заявления о том, что инфраструктуры невидимы до тех пор, пока в них не происходит поломка, в корне неточны. Инфраструктуры выступают метапрагматическими объектами, их признаки проявляются при определенных режимах видения. Казалось бы, обязательно почти при любом исследовании инфраструктуры повторять утверждение С. Стар о том, что инфраструктуры «по определению невидимы», и считать само собой разумеющимся, что они «становятся видимыми при поломке».

Но это утверждение является частично истинным и, как способ описания инфраструктуры в целом, категорически несостоятелен. Ларкин резюмирует: невидимость, безусловно, является одним из свойств инфраструктуры, но это только часть ее диапазона существования. Не столь редко инфраструктура действует в виде грандиозного зрелища, убеждающего в правильности идеологии, политического режима и других социальных установлений.

Заключение

Исторический подход к исследованию инфраструктур рассматривает их как революционные технические изобретения; социологическая традиция имеет дело в основном с социальными и политическими установками, которые воплощены и воспроизводятся инфраструктурой. Оба подхода актуальны для настоящего времени.

Поскольку основной объект исследований инфраструктур настолько разнообразен и может быть реализован множеством различных способов, выбор методологии является ключевым теоретическим вопросом. Можно видеть, как в подходах, предложенных С. Л. Стар, Дж. Боукером, Б. Ларкиным, освещаются различные аспекты социальности больших технических систем. Невидимость для пользователя и реляционность инфраструктур (Стар), гиперфункциональность, служащая человеку и поддерживающая людской эгоцентризм (Боукер), поэтическая зрелищность инфраструктуры как компонента политического режима (Ларкин) — данные концепты обладают объяснительной силой для всех заинтересованных умножающимися сегодня машинными ансамблями. Социальные исследования инфраструктур развиваются как междисциплинарное направление, наработки которого актуальны при изучении процессов в «умном» городе и жилище, медиатизации медицины, досуга и практик потребления и т. д., т. е. той реальности, в которой действия человека сопрягаются с подключением к постоянному электронному потоку данных.

Источники

Земнухова Л. В., Руденко Н. И., Сивков Д. Ю. Цифровые городские исследования: Проблемы взаимодействия и паттерны координации // Социологическое обозрение. — 2019. — Т. 18, № 4. — С. 107–129.

Кузнецов А. Г. Символический интеракционизм и акторно-сетевая теория: точки пересечения, пути расхождения и зона обмена // Социология власти. — 2014. — № 1. — С. 64–74.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. статей. — М.: Прогресс, 1975. — С. 193–230.

Bardzell J., Bardzell S. Humanistic HCI. Synthesis Lectures on Human-Centered Informatics. — San Rafael, CA: Morgan & Claypool, 2015. — 185 p.

Bennett J. Vibrant Matter: A Political Ecology of Things. — Durham, NC: Duke Univ. Press, 2010. — 200 p.

Bijker W., Hughes T. P., Pinch T. The Social Construction of Technological Systems. — Cambridge, MA: The MIT Press, 1987. — 417 p.

Bowker G. C. Science on the run: Information management and industrial geophysics at Schlumberger, 1920–1940. — Cambridge, MA: MIT Press, 1994. — 200 p.

Bowker G. C., Star S. L. Sorting Things Out: Classification and Its Consequences. Parts II and III. — Cambridge, MA: MIT Press, 1999. — 377 p.

Davies L., Mitchell G. The Dual Nature of the Impact of IT on Organizational Transformations // Transforming Organizations with Information Technology / Ed. by R. Baskerville, O. Ngwenyama, S. Smithson, J. DeGross. — North Holland, Amsterdam, 1994. — P. 243–261.

Edwards P. N., Bowker G. C., Jackson S. J. et al. Introduction: an agenda for infrastructure studies // Journal of the Association for Information Systems. — 2009. — Vol. 10, No. 5. — P. 364–374.

Graham S., Marvin S. Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobilities and the Urban Condition. — London; New York: Routledge, 2001. — 512 p.

Harrison S., Tatar D., Sengers P. The three paradigms of HCI // Alt. Chi. Session at the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. — San Jose, California, USA, 2007. — P. 1–18.

Harvey P. The topological quality of infrastructural relation: an ethnographic approach // Theory, Culture & Society. — 2012. — Vol. 29, No. 4–5. — P. 76–92.

Hughes T. P. Networks of Power: Electrification in Western Society, 1880–1930. — Baltimore, MD: John's Hopkins Univ. Press, 1983. — 474 p.

Larkin B. The Politics and Poetics of Infrastructure // Annual Review of Anthropology. — 2013. — Vol. 42. — P. 327–343.

Masquelier A. Road mythographies: space, mobility, and the historical imagination in postcolonial Niger // American Ethnologist. — 2002. — Vol. 29, No. 4. — P. 829–856.

Mbembe A. On the Postcolony. — Berkeley: Univ. Calif. Press, 2001. — 288 p.

Orlikowski W. Integrated Information Environment or Matrix of Control? The Contradictory Implications of Information Technology // Accounting, Management and Information Technology. — 1991. — Vol. 1. — P. 9–42.

Ribes D., Finholt T. A. The long now of technology infrastructure: articulating tensions in development // Journal of the Association for Information Systems. — 2009. — Vol. 10. — P. 375–398.

Seberger J. S., Bowker G. C. Humanistic infrastructure studies: hyper-functionality and the experience of the absurd // Information, Communication & Society. — 2020. — Vol. 23. — DOI: 10.1080/1369118X.2020.1726985.

Star L., Ruhleder K. Steps Toward an Ecology of Infrastructure: Design and Access for Large Information Spaces // *Information Systems Research*. — 1996. — Vol. 7, No. 1. — P. 111–134.

Star S. L. The structure of ill-structured solutions: Heterogeneous problem-solving, boundary objects and distributed artificial intelligence // *Proceedings of the 8th AAAI Workshop on Distributed Artificial Intelligence*, Technical Report, Department of Computer Science, University of Southern California, 1988. — P. 37–54.

References

Bardzell J., Bardzell S. Humanistic HCI. *Synthesis Lectures on Human-Centered Informatics*. San Rafael, CA, Morgan Claypool, 2015, 185 p.

Bennett J. *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Durham, NC, Duke Univ. Press, 2010, 200 p.

Bijker W., Hughes T. P., Pinch T. *The Social Construction of Technological Systems*. Cambridge, MA, The MIT Press, 1987, 417 p.

Bowker G. C. *Science on the run: Information management and industrial geophysics at Schlumberger, 1920–1940*. Cambridge, MA, MIT Press, 1994, 200 p.

Bowker G. C., Star S. L. *Sorting Things Out: Classification and Its Consequences*. Cambridge, MA, MIT Press, 1999, 377 p.

Davies L., Mitchell G. The Dual Nature of the Impact of IT on Organizational Transformations. *Transforming Organizations with Information Technology*. Ed. by R. Baskerville, O. Ngwenyama, S. Smithson, J. DeGross. North Holland, Amsterdam, 1994, pp. 243–261.

Edwards P. N., Bowker G. C., Jackson S. J. et al. Introduction: an agenda for infrastructure studies. *Journal of the Association for Information Systems*, 2009, 10 (5), pp. 364–374.

Graham S., Marvin S. *Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobilities and the Urban Condition*. London, New York, Routledge, 2001, 512 p.

Harrison S., Tatar D., Sengers P. The three paradigms of HCI. *Alt. Chi. Session at the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems San Jose, California, USA*, 2007, pp. 1–18.

Harvey P. The topological quality of infrastructural relation: an ethnographic approach. *Theory, Culture & Society*, 2012, vol. 29, no. 4–5, pp. 76–92.

Hughes T. P. *Networks of Power: Electrification in Western Society, 1880–1930*. Baltimore, MD, Johns Hopkins University Press, 1983, 474 p.

Jakobson R. O. Lingvistika i pojetika [Linguistics and poetics]. *Strukturalizm: “za” i “protiv”* [*Structuralism: “pros” and “cons”*]. Moscow, Progress, 1975, pp. 193–230. (In Russian)

Kouznetsov A. G. Simvolicheskiy interakcionizm i aktorno-setevaja teorija: tochki peresechenija, puti rashozhdenija i zona obmena [Symbolic interactionism and actor-network theory: crossing points, divergences and “trading zones”]. *Sociologija vlasti*, 2014, no. 1, pp. 64–74. (In Russian)

Larkin B. The Politics and Poetics of Infrastructure. *Annual Review of Anthropology*, 2013, vol. 42, pp. 327–343.

Masquelier A. Road mythographies: space, mobility, and the historical imagination in postcolonial Niger. *American Ethnologist*, 2002, vol. 29, no. 4, pp. 829–856.

Mbembe A. *On the Postcolony*. Berkeley, Univ. Calif. Press, 2001, 288 p.

Orlikowski W. Integrated Information Environment or Matrix of Control? The Contradictory Implications of Information Technology. *Accounting, Management and Information Technology*, 1991, no. 1, pp. 9–42.

Ribes D., Finholt T. A. The long now of technology infrastructure: articulating tensions in development. *Journal of the Association for Information Systems*. 2009, 10, pp. 375–398.

Seberger J. S., Bowker G. C. Humanistic infrastructure studies: hyper-functionality and the experience of the absurd. *Information, Communication & Society*. 2020, vol. 23. DOI: 10.1080/1369118X.2020.1726985.

Star L., Ruhleder K. Steps Toward an Ecology of Infrastructure: Design and Access for Large Information Spaces. *Information Systems Research*, 1996, vol. 7, no. 1, pp. 111–134.

Star S. L. The structure of ill-structured solutions: Heterogeneous problem-solving, boundary objects and distributed artificial intelligence. *Proceedings of the 8th AAAI Workshop on Distributed Artificial Intelligence, Technical Report, Department of Computer Science, University of Southern California*, 1988, pp. 37–54.

Zemnukhova L. V., Rudenko N. I., Sivkov D. Ju. Cifrovye gorodskie issledovaniya: Problemy vzaimodejstviya i patterny koordinacii [Digital urban studies: collaboration problems with patterns of coordination]. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 107–129. (In Russian)

Сергеева Ольга Вячеславовна, доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

Sergeyeva Olga V., Senior Research Fellow, Associate professor, Doctor of Science in Sociology, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation.

o.v.sergeeva@spbu.ru

ОЧЕРКИ, ЭССЕ, ЗАРИСОВКИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-15.sz84-z087

Н. Л. Крячков

ИДЕАЛЬНЫЙ КРАЙ: ТАЙНЫЙ СТИЛЬ ЯВНОГО ИСКУССТВА

Сравнение неизвестного с известным, бывает, приводит к открытиям. Так случилось при более внимательном рассмотрении предметов изобразительного искусства из неизвестной публике и музеям частной коллекции. Ни техника, ни выразительные средства не обнаруживали аналогий. Не было даже подходящего термина для описания рассмотренных предметов. Лишь только стилистические особенности послужили подсказкой для обращения к традиции, восходящей к творчеству известных художников-модернистов. Любопытно, что одна из форм этой традиции смогла развиваться и сохранить себя в российском обществе вне пространств иссякнувшего соцреализма и прирученного, а потому бесплодного ныне нонконформизма. Предложенный термин «идеальный край» характеризует не только авангардный метод создания исследуемых работ, но является также метафорой их местонахождения на границе искусства и действительности, удостоверяет стиль, явившейся следствием десятилетий становления оригинального русского мастерства. Оказывается, мы уже давно не перенимаем...

Ключевые слова: стиль, идеальный край, искусство, коллекция.

NIKOLAY L. KRYACHKOV

THE IDEAL EDGE: THE SECRETIVE STYLE OF AN EVIDENT ART

Comparing the known with unknown may lead you to a discovery. So it happened upon a rather attentive study of some paintings out of a private collection devoid of any public attention. Neither technique nor the used means of expression reminded of any analogies. So there could not be any appropriate definition for that phenomenon. Just some stylistic traits led to the tradition of several names of modernism. Curious, but one form of the ways of that tradition somehow could evolve and distinguish itself within the Russian society — beyond the extinct socialist realism or now fully tamed and therefore futile non-conformism. The proposed formula of *ideal edge* stands not just for the avant-garde method of this art but, metaphorically, speaks as well for its belonging to the edge between art and reality, serving to attest the style

which emerged through decades of the original Russian mastership. Apparently, we are by far not imitators any longer...

Keywords: style, ideal edge, art, collection.

Введение

Проезжая как-то по Литейному мосту со стороны Финляндского вокзала к центру города, я увидел невскую воду совершенно необычного цвета — оловянного-серебристого с золотистыми переливами. Ни до, ни после ничего подобного увидеть не удалось. Это нашло отражение в стихотворении 2016 года «Этюд»:

Облака в клочья,
Марево неба
Серовато-желтое,
Почти золотое
Или серебряное
Неподвижно совсем.
На воде блики
Играют, беснуются
Оловянным отсветом
Глади прохладной,
Беззвучной...
Откуда-то ветер
Внезапным порывом
Солнце догнал.
Изменились цвета
И погода.
Дождик накапывать стал.
Металлический блеск
Растекался по волнам.
Он мысли спаял
В одинокую цепь
На проспекте свободном,
Разделяя пространство
На «до» и «потом»,
Как уж прежде бывало...
Сезон, не сезон...
Набережная пустовала,
И не слышен был
Времени стон.

Позже я подумал, что это стихотворение содержит несколько образов, которые могут помочь составить представление о неизвестном явлении изобразительного искусства, возникшем в городе на Неве в 1960–70-е гг.

Тайный стиль

Не могу точно припомнить даже тот год, когда приобрел первую работу, созданную в 1960–70-х гг. Эта была середина 1980-х гг., и коллекционером я себя не представлял. Нет, конечно, с детства у меня тогда оставалось несколько альбомов с марками, какие-то открытки. Похожие игрушечные коллекции были у многих моих сверстников. Мы обменивались некоторыми предметами своих «сокровищ», моделировали отношения обмена. Я даже рисовал акции промышленных предприятий с дымящимися трубами и пролетающими над ними аэропланами... В общем, это была игра под песни Лидии Клемент или композицию «Misty» в исполнении Эрролла Гарнера (Erroll Garner), которая мне кажется очень питерской. Игра, как сейчас думаю, оказалась той «настройкой», позволившей с легким азартом отнестись к однажды увиденной необычной небольшой картине из хлопковых тканей и возможности обратить ее в свою собственность под обязательства неразглашения имени автора и прочих, как мне тогда казалось, мелочей. Я даже не могу сказать, что это занятие было коллекционированием. Учета времени приобретений я не вел. Они мне нравились, и чем дальше, тем больше, но я даже не пытался осмыслить, сравнить предметы своего увлечения с чем-то. Да и как? Род моих занятий был очень далек от мира искусства, а страна была закрыта. Было не до этого...

И вот, спустя много лет, увидев необычный цвет невской воды и сочинив об этом стихотворение, вспомнил, что парча на некоторых картинах очень напоминает такую оловянно-серебристую, местами с легкой позолотой, воду. В сущности, эта была чувственная игра со светом и, если бы вода была рукотворным творением, как та парча, эта была бы игра с природой, а не обращенная к ней мольба остановиться, как мы можем наблюдать в живописи. Сказался, видимо, прогресс, и ткань как краска, точнее цвет, обладающий определенной фактурой в значении «своеобразие, особенности художественной техники в произведениях искусства» (Ожегов, Шведова 1999: 847), явилась новым средством выражения Идеи, а не ее одеждами (Jean Moréas 1886: 1–2), как это происходит в прикладном искусстве или дизайне.

«Перспектив» же действительно оказался свободным и разделил пространство на «до» и «потом». Выставок не было. Описаний тоже. Те, кто видел эти работы в частном порядке, вряд ли об этом вспомнят. Художник, по-видимому, хорошо знал, в какой стране живет, и не примкнул ни к одной из противоборствующих на арене идеологической борьбы сторон, которым вынуждены были подчиниться и соцреалисты, и нонконформисты, впасть в беспамьятство, так как один из истоков для последующей отечественной художественной жизни — русский авангард — оказался в нашей стране засекреченным государством искусством или искусством антисоветским (Золотоносов 2018: 5). В ответ на это появились тайны другого рода — тайны частные. Именно это, думаю, хотя бы частично объясняет отсутствие подписи на картинах.

Неизбежная в то время вовлеченность отечественных музеев в оперативные игры чувствуется и поныне: с одной стороны, встречается расчет на неосведомленность собеседника, видимо, как следствие ложного ощущения монопольного положения крупной институции, с другой — желание взять «на карандаш» имя художника, без сведений о котором якобы нельзя установить художественную ценность произведения, и это при том, «что значительная группа произведений в любом музейном собрании навсегда останется безымянной» (Русский музей 2012). Неуважение к праву автора выступать под собственным именем, использовать псевдоним или не указывать их, возможно, вызвано «новой реальностью» проявления старых навыков в довольно противоречивых условиях, когда историческая значимость культурных традиций нашего города, масштабы и безусловная ценность сосредоточенных здесь музейных богатств, признанный авторитет художественно-образовательных учреждений, высокий профессиональный уровень и впечатляющая численность работающих здесь художников (десять — двенадцать тысяч, имеющих отношение к художественному творчеству) диссонирует с неразвитостью петербургского художественного рынка (Северюхин 2018: 659). Дело, в общем-то, не только в таких рыночных институциях, как галереи, лофты (чердаки), новые частные и государственные музеи. Сами по себе они полезны лишь так, как для определенного дела полезны необходимые инструменты. Проблема в почти утраченной связи времен, в исторической памяти и трудностях ее сохранения как истока будущего. Время действительно неслышно «стонет», так как век человека не так уж долгод, многое забывается, а тайна, даже если она не была сформулирована изначально, пусть не полностью, но открывается любопытными сторонам просто из факта существования предметов коллекции.

Явное искусство

Из истории коллекционирования произведений искусства в России до создания Эрмитажа известно, что стены покоев кремлевских дворцов и боярских палат Москвы XVII в. украшали гравюры — «фряжские листы». В то время торговля гравюрами была обычным явлением, и из этого факта делается вывод об их широком распространении (Левнисон-Лессинг 1985: 33). Работы же исследуемого направления не обнаруживаются во всех сегментах рынка от ремесленных поделок до произведений изящных искусств, что позволяет сделать вывод об уникальности и относительно малом количестве таких работ. Это подтвердилось отсутствием близких аналогий, но у этой дискуссии срезуже обнаружили терминологические проблемы. В каких терминах описывать такие работы и вообще какие вопросы задавать специалистам, которые могли бы поделиться своими знаниями и мнениями? Дискуссия получилась (были получены ответы) не сразу, часть запросов осталась без ответов. Но прежде чем осветить эту сторону исследования, рассмотрим работу «Летний натюрморт», созданную в XXI в.

«Летний натюрморт», XXI в.

На светло-зеленом шелковом фоне мы видим белое блюдо с золотой каймой, на котором выложены ломоть спелого арбуза, две синие сливы, две желто-зеленоватые груши и светло-зеленое яблоко с темно-зеленым листком. Легкость сюжета этой картины подчеркнута свежими цветами и некоторой небрежностью изображения сливы слева, половинки которой из разных оттенков синего не везде соприкасаются, и особенно яблока, которое прозрачно, что не наблюдается в природе. При ближайшем рассмотрении видно, что в картине в качестве цветов использованы ткани разных составов и переплетений. Цвет сразу же обретает фактурность — эдакий «фенотип» веками совершенствуемого «генофонда» ткачества. И вот здесь мы можем попасть в терминологическую ловушку, полагая, что такая работа — это текстиль.

Словарь терминов Российской академии художеств определяет «текстиль» так:

«**ТЕКСТИЛЬ** (англ. textile, cloth, фр. tissu, étoffe, нем. Stoff, Gewebe), ткань — вид декоративно-прикладного искусства: изделия, созданные различными методами *ткачества*. Особенность художественного Т. — высокое качество переплетения нитей, украшения тканей методами *набойки* и *вышивки*. Узоры на тканях строятся, как правило, методами ритмического повтора мотива (*паннорта*).

В раскопках найдены фрагменты древнеегипетских льняных тканей (II тыс. до н. э.), античных тканей из городов Сев. Причерноморья, шелковых и золотых китайских тканей (2-я пол. II тыс. до н. э.); шелковые ткани и бархат Китая с геометрическим орнаментом, стилизованными облаками и драконами особенно славились в 16–17 вв. Издавна известны индийские хлопчатобумажные ткани с набивным узором, тонкие льняные ткани с растительным орнаментом, шерстяные узорные ткани. С древности знамениты шерстяные и шелковые ткани Ирана, в эпоху Сасанидов (3–7 вв.) узор состоял из медальонов с изображениями реальных и фантастических животных, охотничьих сцен. В средние века в коптских тканях Египта (4–7 вв.) появляются христианские символы, на византийских тканях библейские сцены, колесницы, орлы размещались в медальонах. В арабских странах, на Среднем Востоке выделялись шелковые и золотые ткани, бархаты (в Узбекистане и Таджикистане шелк с узором „абр“ — расплывчатыми радужными пятнами), в Турции — узорные и гладкие (атласные) шелка с крупными цветами и „опахалами“. Под арабским влиянием сформировалось художественное ткачество Испании — шелковые ткани и бархат с геометрическим и мелким растительным узором, золотые ткани с тончайшими металлическими нитями. Расцвет итальянского ткачества (16–17 вв.) отмечен производством венецианской

камки с чешуйчатым и мелким травным узором, бархата с геральдическими, растительными и звериными мотивами, золотных тканей („аксамиты“) в несколько основ и утков. Во Франции 17–18 вв. выделялись шелковые лионские ткани (известный мастер Филипп де Лассаль) с крупными изображениями (цветы, букеты, архитектурные мотивы, жанровые сцены).

Русское народное узорное ткачество известно с 10–12 вв. Издавна славилась шерстяные ткани, набойка; в 16–17 вв. — льняные, в 18 в. — шелковые ткани; парча, штофные ткани украшались реалистически трактованными крупными цветами. В начале 19 в. получили известность *павловские платки и шали*, с 1830–1840-х гг. активно развивалось ситценабивное дело.

В 20 в. в области художественного Т. начинают работать крупные художники, художественно-промышленные организации, институты (*Вхутемас, Баухауз*); в России авторами эскизов для Т. были В. Ф. Степанова, Л. С. Попова, Л. В. Маяковская, создававшие энергичные, строгие по ритму, лаконичные по цвету образцы. С 1950-х гг. Н. В. Кирсанова, Н. М. Жовтис, С. А. Заславская, С. А. Каусов работали над созданием Т., новых по структуре и орнаментации» (Словарь терминов РАХ: текстиль).

Однако данная работа, как и другие подобные работы, не являются результатом ткачества. И использованные ткани, разумеется, сотканы, а картины нет. Соответственно, нет оснований для рассуждений о принадлежности таких работ к прикладному искусству или дизайну.

В связи с этим следует упомянуть реакцию в том числе на «Летний натюрморт» двух известных в мире музеев с крупными коллекциями текстиля*.

Европейский музей счел, что данная работа выткана и автор неизвестен. Дальнейшая переписка с библиотекой этого музея выявила проблему восприятия подобных работ специалистами по технике создания текстильных работ. На их взгляд, если работы не являются результатом ткачества, то это аппликация методом лоскутного шитья. Если шитье не используется, тогда, по мнению музея, это склеивание. Однако следов клея нет как на поверхности (просачивание сквозь ткани разной плотности и толщины), так и по краям элементов работ. К тому же, прежде чем соединить элементы с фоном, их необходимо вырезать. Как известно, после разрезания края тканей «осыпаются», образуя «бахрому». Одним тканям это свойственно больше, другим меньше, и это легко проверяется. Здесь же впечатление такое, что ткань

---

* Здесь и далее музеи, их сотрудники не указываются и цитаты из писем не приводятся ввиду отнесения музеями такой переписки к конфиденциальной.

разрезана как бумага и край идеален. Это обстоятельство привело музей к суждению о неизвестности техники.

Американский музей усмотрел аналогию с гобеленами середины XX в., спроектированными такими известными художниками-модернистами, как Матисс, Пикассо и др. Но это не гобелены. А если не гобелены, то мой собеседник предположил, что элементы работ выполнены из промышленного войлока или фетра методом склеивания. Но как фон, так и элементы работ выполнены из тканей, а не из войлока или фетра. Других идей у этого музея не было. Что касается датировки, то в своих предельных значениях она музеем дана верно: от современности до 1950–60-х гг. в случае использования синтетических тканей, устойчивых к выцветанию. Суждение о датировке, видимо, обусловлено стилистическими аналогиями с творчеством вышеназванных художников-модернистов.

В приведенной переписке использовался термин «аппликация». Рассмотрим его определение:

«**АППЛИКАЦИЯ** (лат. applicatio — прикладывание) — способ создания орнаментов и изображений путем нашивания, наклеивания на ткань, бумагу и т. п. разноцветных кусочков к.-л. материала (ткань, бумага, мех, соломка и т. п.) другого цвета, фактуры или выделки; орнамент, изображение, созданные таким способом, придают произведению особую рельефность и выразительность. А. — один из древнейших способов украшения тканей и одежды многих народов (напр., седла из Пазырыкских курганов на Алтае, 5–3 вв. до н. э.; *пелены* и другие произведения русского церковного шитья 12–17 вв.)» (Словарь терминов РАХ: аппликация).

Как видно из определения, речь в нем идет о двух видах техники: нашивании и наклеивании («клей» в русском языке однозначно толкуется как «липкий затвердевающий состав для плотного соединения, скрепления частей чего-н.» (Ожегов, Шведова 1999: 276)), но это не относится к исследуемым работам.

Зарубежные крупные художественные музеи также упоминали Матисса.

Так, один из европейских музеев на запрос сообщил, что ничего подобного у них нет, но предложенные им для просмотра фотографии работ напоминают вырезания Матисса и, по их мнению, определенно относятся к модернизму (*modern art*), т. е. речь шла о времени до 1970-х гг. Техника удивила. Было сделано предположение, что это войлок или фетр, но сказать что-либо больше там затруднились.

Один из американских художественных музеев сообщил, что ничего похожего в их коллекции нет. Матисс также упоминался со ссылкой на коллаж в их коллекции и на еще одну работу Матисса с похожей эстетикой. О коллаже следует сказать особо.

«КОЛЛАЖ (фр. collage — приклеивание, наклейка) — распространенная в искусстве 20 в. техника создания картины, графического произведения, состоящая в применении различных наклеек из плоских (фрагменты газет, обоев, цветной бумаги, отделочных материалов, тканей) или объемных (куски проволоки, дерева, веревок, металла) материалов. К. был введен Пабло Пикассо и Жоржем Браком, которые с 1912 г. систематически его использовали. К. — характерная особенность живописи синтетического кубизма. К этой технике обращались также футуристы (Карло Карра, Джино Северини), дадаисты (Курт Швиттерс, Ханс Арп), художники русского авангарда (А. В. Лентулов, П. П. Кончаловский, О. В. Розанова). В дальнейшем сфера К. расширяется, сливаясь с такими формами, как *энвайронмент*, *ассамбляж*, *аккумуляция*. Эстетика К. — это эстетика фрагмента реальности, включенного в контекст живописи и наделенного в ней новым изобразительным или символическим смыслом» (Словарь терминов РАХ: коллаж).

Графическое произведение основывается на использовании линии. В вырезаниях Матисса и вообще в фовизме отдавалось предпочтение цвету, а не линии, т. е. не добавлять к линии цвет, а рисовать непосредственно в цвете. Или вырезать из раскрашенной гуашью бумаги. Это упрощение, так как две операции объединяются в одну и становятся единым средством выражения. Идея принадлежит Матиссу и в аукционных эссе обычно цитируется по книге J. Guichard-Meili *Matisse Paper Cutouts* (London, 1984. P. 54) (Christie's 2005). Поэтому о коллаже можно говорить как о смешанной технике, хотя в арт-терминологии британского художественного музея Tate термин «collage», происходящий из французского языка, толкуется как приклеивание вырезанной бумаги «*papers collés (or découpage), used to describe techniques of pasting paper cut-outs onto various surfaces*» (Tate Art Terms: collage). В любом случае русское и английское толкование «коллажа» не может применяться к рассматриваемым работам, так как в них не используются отличные от тканей материалы, нет нарисованных линий и признаков склеивания.

Однако, как показал опрос музеев, фовизм Матисса следует рассматривать как один из источников неизвестного стиля. К тому же один из британских музеев сообщил, что они не осведомлены о работах,

выполненных в таких материалах и в таком стиле. Их мнение состояло в том, что подобные работы относятся к изящным искусствам (*fine art*) и следует поработать с искушенными британскими кураторами и историками искусства (были названы другие музеи), которые, возможно, смогут помочь в создании нового термина для этого стиля. Но *le style c'est l'homme*, а работы не подписаны...

Настало время обратиться в российские музеи. Это было поучительно, но в другом плане.

Получить ответ из крупного российского художественного музея оказалось нетривиальной задачей. Только случайно узнав, что запрос следует отправлять лично руководителю музея, удалось получить отклик. В запросе вкратце описывались основные черты подобных работ, опыт общения с зарубежными музеями, дополнительные сведения о коллекционировании Матиссом тканей как «рабочей библиотеки», его отношений с русским текстильным фабрикантом Щукиным... Все это в надежде нащупать или опровергнуть наличие некой пусть прерывистой, но линии историко-стилистического развития вплоть до наших дней. Вопросы музею были заданы об известных им аналогах, кооперации с ними для создания нового арт-термина, если они видят в этом смысл, и о том, стоит ли экспонировать такие работы.

Ответ был обескураживающим. Музей сослался на ограниченность ресурсов и сообщил, что проконсультировать они могут только по предметам собственной коллекции. Одно было ясно, что с предложенной им на рассмотрение проблематикой они незнакомы.

Подобное можно было ожидать от зарубежных музеев, для которых Россия — своего рода *terra incognita*. Такая реакция крупного художественного музея добавляла уверенности в наличии тайны. В связи с этим была предпринята попытка обратиться к министру культуры с тем, чтобы узнать, какой российский музей обладает соответствующими ресурсами. Министерство оперативно направило запрос в другой крупный художественный музей, из которого пришел официальный ответ, по содержанию напоминающий промежуточный. Предполагалась возможность влияния не только Матисса, но и других французских мастеров, в том числе представителей позднего декоративного кубизма, а также, возможно, специфики петербургской школы современного искусства как, например, эксперименты с тканями Новой академии изящных искусств Тимура Новикова. Музей уже мне адресовал вопрос о происхождении и авторстве данных произведений, что было странно...

Если использовать «ткань» как признак сравнения, можно очень далеко зайти. Например, можно вспомнить коллаж из тканей «Композиция. Прилуки» 1960–1961 гг. представительницы московского

нонконформизма «лианозовского круга» Лидии Мастерковой, но это совсем другое (VLADEY 2019). Что касается работ круга Тимура Новикова, то они достаточно хорошо описаны и не являются аналогами исследуемых работ. Собственно, в последующей переписке музей сообщил, что аналогов в своей коллекции не имеет и не занимается систематическим изучением русского современного искусства.

Заключение

Ввиду положения, с которым уважаемый читатель ознакомился выше, получается, что имеет место открытие и ничего не остается, кроме как выделить основные признаки, характеризующие работы данного стиля, дать ему имя, не претендуя на исчерпывающее описание всей коллекции.

Игра с живым светом из-за свойства разных тканей по-разному свет отражать или поглощать с одновременным отсутствием линии как самостоятельного художественного объекта выводит такие работы в пограничную область между самой действительностью, частью которой является свет, и ее отражением в замысле художника, исполненном из тканей.

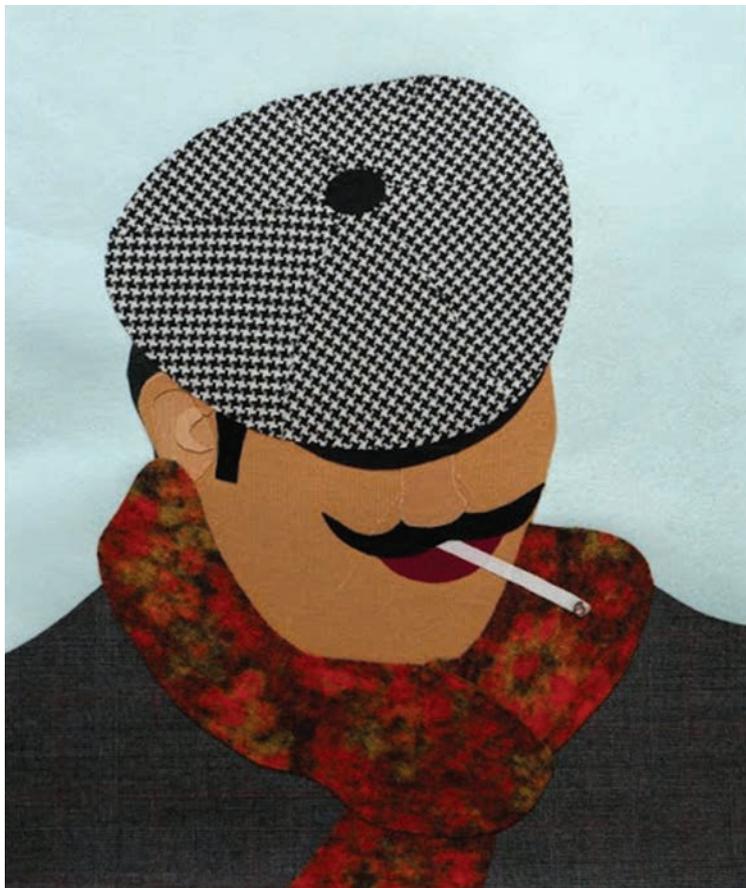
Живопись свет лишь фиксирует. Здесь же, в зависимости от направления света, его интенсивности, угла зрения, картины смотрятся по-разному. Они будто оживают. Цветы приобретают объем. Изображенная на портрете сигарета вдруг загорается... И если мы зададимся вопросом о мастерстве художника, то обнаружим филигранный учет направления нитей в ткани (основа, уток), собственно край элементов картин, поглощающий необходимость линии и этим позволяющий почти вырваться за пределы искусства вслед за живым светом. Лишь только фон — та же материя — удерживает Идею от бегства на краю искусства.

«Идеальный край», замыкаемый в кавычки, — новый стиль русского искусства. Он обретает свое место в исторической традиции, прослеживаемой в плоских формах от Матисса и его круга к Малевичу, от Малевича к Родченко в добавлении к фигурам фактуры особым способом наложения краски (серия работ «Черное на черном» 1918 г. (Слинкин 2016)), от них всех и опять от Матисса к безымянному русскому художнику в выражении Идеи непосредственно в цвете (бумаги) и в ткани как в цвете, играющей со светом. Эта игра никогда не появилась бы, если бы мир был обят тьмой, а брошенное в землю зерно никогда бы не проросло и не дало бы плодов.

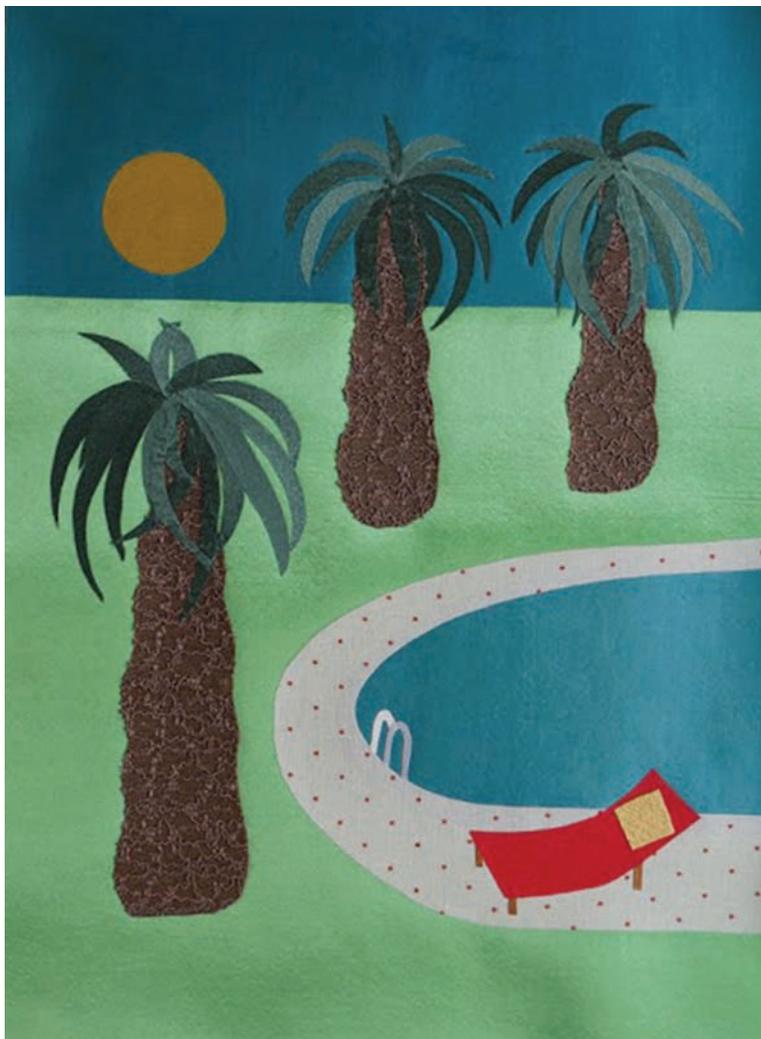
Итак, встречайте «идеальный край» — новый стиль русского искусства!

«Аромат», XXI в.

«Он», XXI в.

«Пейзаж № 5», XXI в.

«Пейзаж № 6», XXI в.

Источники

Аппликация [Электронный ресурс] // Словарь терминов РАХ. — URL: <https://www.rah.ru/science/glossary/?ID=21280&let=%D0%90> (дата обращения: 13.03.2021).

Золотоносов М. Н. Диверсант Маршак и другие: ЦРУ, КГБ и русский авангард. — СПб.: Изд дом «Мирь», 2018. — 530 с.

Коллаж [Электронный ресурс] // Словарь терминов РАХ. — URL: <https://www.rah.ru/science/glossary/?ID=20572&let=%D0%9A> (дата обращения: 16.03.2021).

Левинсон-Лессинг В. Ф. История Картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). — Л.: Искусство, 1985. — 407 с.

Мастеркова Л. Композиция Прилуки [Электронный ресурс] // VLADEY. Осенние торги 2019. Лот 8*. — URL: <https://vladey.net/ru/lot/4803> (дата обращения: 30.03.2021).

Неизвестный художник. Живопись и скульптура XVII–XIX веков из собрания Русского музея. — URL: <https://ruseum.ru/benois-wing/exhibitions/unknown-artist-painting-and-sculpture-of-the-xvii-xix-centuries-from-the-collection-of-the-russian-m/> (дата обращения: 01.03.2021).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.

Северюхин Д. Я. Три века художественного рынка Санкт-Петербурга, или Проза художественной жизни. — СПб.: Изд. дом «Мирь», 2018. — 752 с.

Слинкин Н. Александр Родченко: краткий путеводитель по жизни и творчеству [Электронный ресурс]. — URL: <https://arzamas.academy/mag/385-rodchenko> (дата обращения: 30.03.2021).

Текстиль [Электронный ресурс] // Словарь терминов РАХ. — URL: <https://www.rah.ru/science/glossary/?ID=19483&let=%D0%A2> (дата обращения: 02.03.2021).

Collage [Электронный ресурс] // Tate Art Terms. — URL: <https://www.tate.org.uk/art/art-terms/c/collage> (access date: 16.03.2021).

Henri Matisse (1869–1954). *Algue rouge sur fond bleu ciel* // Christie's Sale 7026 (London). Impressionist and Modern Works on Paper. — 2005. — 10 February. — URL: <https://www.christies.com/lot/lot-henri-matisse-1869-1954-algue-rouge-sur-4440457/> (access date: 16.03.2021).

Moréas J. Le Symbolisme // Le Figaro. Supplément littéraire. — 1886. — 18 septembre. — P. 1–2. — URL: <http://www.berlol.net/chrono/chr1886a.htm> (date d'accès: 01.03.2021).

References

Applikatzia [Applique]. *Slovar' terminov RAKh [Glossary of terms of the Russian Academy of Arts]*. URL: <https://www.rah.ru/science/glossary/?ID=21280&let=%D0%90> (access date: 13.03.2021). (In Russian)

Collage. *Tate Art Terms*. URL: <https://www.tate.org.uk/art/art-terms/c/collage> (access date: 16.03.2021).

Henri Matisse (1869–1954). *Algue rouge sur fond bleu ciel* [Red algae on sky blue background]. *Christie's Sale 7026, Impressionist and Modern Works on Paper, 10 February 2005, London*. URL: <https://www.christies.com/lot/lot-henri-matisse-1869-1954-algue-rouge-sur-4440457/?> (access date: 16.03.2021).

Kollazh [Collage]. *Slovar' terminov RAKh* [Glossary of terms of the Russian Academy of Arts]. URL: <https://www.rah.ru/science/glossary/?ID=20572&let=%D0%9A> (access date: 16.03.2021). (In Russian)

Levinson-Lessing V. F. *Istoria Kartinnoi galerei Ermitazha (1764–1917)* [Art gallery history of painting and sculpture of Hermitage (1764–1917)]. Leningrad, Iskusstvo, 1985, 407 p. (In Russian)

Masterkova L. Kompozitsia Priluki [Composition Priluki]. *VLADEY, osenniye torgi 2019, Lot 8** [VLADEY, Autumn auction 2019, Lot 8*]. URL: <https://vladey.net/ru/lot/4803> (access date: 30.03.2021). (In Russian)

Moréas J. Le Symbolisme [Symbolism]. *Le Figaro, 18 septembre 1886, Supplément littéraire*, pp. 1–2. URL: <http://www.berlol.net/chrono/chr1886a.htm> (access date: 01.03.2021). (In French)

Neizvestniy khudozhnik. Zhivopis' i skulptura XVII–XIX vekov iz sobraniya Russkogo museya [Unknown artist. Painting and sculpture of the 17-th -19-th. centuries. Russian Museum collection]. URL: <https://rusmuseum.ru/benois-wing/exhibitions/unknown-artist-paintingand-sculpture-of-the-xvii-xix-centuries-from-the-collection-of-the-russian-m/> (access date: 01.03.2021). (In Russian)

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkoviy slovar russkogo yazyka: 80000 slov i fraseol. vyrazheniy* [Explanatory dictionary of Russian language: 80000 words and phraseological expressions], 4th ed. Moscow, V. V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Azbukovnik, 1999, 994 p. (In Russian)

Severiukhin D. Ya. *Tri veka khudozhestvennogo rynka Sankt-Peterburga, ili Proza khudozhestvennoi zhizni* [Three centuries of the St. Petersburg Art market or the prose of the artistic life]. Saint Petersburg, Mir Publ. house, 2018, 752 p. (In Russian)

Slinkin N. *Aleksandr Rodchenko: kratkiy putevoditel' po zhizni i tvorchestvu* [Aleksandr Rodchenko: a Short guide to life and work]. URL: <https://arzamas.academy/mag/385-rodchenko> (access date: 30.03.2021) (In Russian)

Tekstil' [Textile]. *Slovar' terminov RAKh* [Glossary of terms of the Russian Academy of Arts]. URL: <https://www.rah.ru/science/glossary/?ID=19483&let=%D0%A2> (access date: 02.03.2021). (In Russian)

Zolotonosov M. N. *Diversant Marshak i drugie: TsRU, KGB i russkii avangard* [Diversionist Marshak and others: CIA, KGB and Russian avant-garde]. Saint Petersburg, Mir Publ. house, 2018, 520 p. (In Russian)

Крячков Николай Леонидович, эксперт Российской Академии наук.
Kryachkov Nikolai L., expert of Russian Academy of Sciences.
nk700@mail.ru

Научное издание

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ
2021
Выпуск 15

Сайт издания: <http://www.pitersociology.ru/>
Адрес редколлегии: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, к. 526.
Тел.: +7 (812) 316-24-96
E-mail: si_ras@mail.ru

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Корректор *И. Ю. Карпова*
Дизайн обложки *Т. Б. Тиунова*
Оригинал-макет *С. В. Красильнюк*

Подписано в печать 23.11.2021. Формат 60×84^{1/16}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,13. Тираж 300 экз.
Заказ № 272.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел. (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru
ВКонтакте: http://vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru